

Ки Чанс

ШКОЛЬНЫЕ ТАЙНЫ И ФОРМУЛА НЕЛЮБВИ

Из-Вращение Чувств

Ки Чанс

**Школьные тайны и формула
нелюбви. Из-Вращение Чувств**

«Издательские решения»

Чанс К.

Школьные тайны и формула нелюбви. Из-Вращение Чувств /
К. Чанс — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904743-4

Знакомство с героинями книги начинается в зале суда, где одну из них приговаривают к принудительному лечению в Центре коррекции поведения. Друзья героини подозревают, что за этим прячется какая-то тайна и начинают собственное расследование. Их ожидают страшные открытия и смешные ситуации, невероятные приключения и ожоги первой любви и первых разочарований. Это книга о дружбе, которая проходит проверку на верность, мужество и доверие и побеждает в любых обстоятельствах.

ISBN 978-5-44-904743-4

© Чанс К.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава I. Два года спустя. Приговор, сумерки разума и другая реальность	7
Глава 2. Розовый закат на чёрном озере, живой покойник и подвал ужасов	11
Глава 3. Встреча цивилизаций и полёты перед доской	17
Глава 4. Русская подводная лодка и весёлая ночь в душевной больнице	21
Глава 5. Десять лет назад. Шесть глаз, три рояльных ноги и пожизненный приговор	28
Глава 6. Любовь, война и прицел в сердце	33
Глава 7. Вечер того же дня. Слезы Клоуна и Кровавый зонт	36
Глава 8. Излечение от «невинных забав» и Институт Всемирного Прощения	40
Глава 9. Любовь, капризы и демоны	43
Глава 10. Мужской подарок и похищение старосты	47
Глава 11. Ночь. Центр коррекции умственного здоровья. Клоун и доктор	49
Глава 12. Ранний гость, врут все и сети для наивной души	52
Глава 13. Год назад. Четвёртый лепесток, парашют любви и «мистер очарование»	56
Глава 14. Сюрприз №2, трусы в полосочку и в компании с гериллос	60
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Школьные тайны и формула нелюбви Из-Вращение Чувств

Ки Чанс

Книга посвящается всем девушкам и женщинам России

© Ки Чанс, 2018

ISBN 978-5-4490-4743-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Ни одна женщина в мире не обладает сочетанием такой яркой красоты и столь острого ума. Мир ни на шаг не продвинулся в понимании загадки хрупкой и ранимой русской души, на страже которой стоит достоинство любящего сердца.

Красота женщин России особая. Это сильная красота, которая лукаво прячется за изящной вуалью утончённой женственности...

Но понимаешь это, только вынырнув из другой, западной реальности...

С любовью к каждому читателю,

Автор Ки Чанс

«Недолюбленность – это не просто нехватка любви, это болезнь...
Боль обделенности любовью, боль одиночества, любооставленности, которая неумолимо толкает к любви – или смерти – как единственному выходу и спасению.

М. Н. Эпштейн

«Есть только два способа прожить жизнь. Первый – будто чудес не существует. Второй – будто вокруг одни чудеса.
(Альберт Эйнштейн)

Пролог

Москва. Аэропорт Шереметьево. Зал вылетов.

– И куда тебя несёт, Тина? Может, всё-таки сдашь билет?

Интеллигентная московская подруга говорила мягко и слегка нараспев. В голосе угадывалась тёплая внутренняя улыбка, которая неизменно покоряла звонкоголосую Тину каждый раз, когда она оказывалась в её компании.

– Несёт непонятно куда и непонятно к чему... Некоторые считают, что самое крутое в путешествиях – это наткнуться на что-то такое, чего не искал.

– А ты? Что ты конкретно ищешь?

– Возвращения... Возвращения в Россию. Я уверена в том, что невозможно понять собственную страну, не пожив в другой. Кроме того, мои друзья пишут о возможности устроиться на работу по специальности. А кто же откажется «почистить» свой иностранный язык?

– В США?! И ты в это веришь?

– Я ни во что не верю, пока сама не попробую. Мне знание испанского языка может помочь.

– Почему именно испанского?

– В Калифорнии идёт школьная реформа. Вводят обучение на двух языках в связи с притоком иммигрантов из Мексики. И ощущается острая нехватка педагогов.

– Но ведь дипломы придётся подтверждать. Проходить кучу тестов. Собеседований. Искать рекомендации. Сколько знакомых уже уехало... И что? Врачи добавками торгуют. Художницы – туфлями. Актрисы официантками подрабатывают... А то и хуже... Только программисты да инженеры по специальности работают. И то не все.

– Ну, во-первых, есть и такие, кто по специальности работает.

– Очень интересно! Ты про кого-то конкретного говоришь?

– Да. Моя знакомая семья из Чечни вот уже семь лет живёт в Калифорнии. И глава семейства преподаёт в университете. По-моему, сравнительное религиоведение. Я понимаю, что он исключительный человек... Владеет и английским, и арабским и даже французским. Но всё-таки его пример вдохновляет.

– Это плохой пример. Вернее, нетипичный. Наверняка, люди уехали из Чечни или во время, или сразу после войны. Их можно понять. А тебя с какого перепуга на трудности потянуло?

– Ты какие трудности имеешь в виду? Бессонные ночи с учебником в руках? Провалы и победы на экзаменах? Забытое волнение перед рабочими интервью? Да это же всё равно, что начать жизнь заново! Здорово и интересно! И совсем не то же самое, что просто туристом по стране поездить.

– А адаптация? Потеря своего привычного окружения? Ты же завучем сколько лет была. Всё-таки статус... А там – всё нуля.

– Так ведь только так и можно и страну, и её народ понять. Начав с нуля. Живя на то, что зарабатываешь, а не на то, что с Родины привёз. Мне-то везти нечего. Хочу понять, как живут простые американцы. Ты же знаешь – моя страсть не природа, не архитектура... Моя страсть – это люди. Меня захлёстывает любопытство: что и как они думают, чему радуются, от чего плачут.

– Да... Чувствую, что это нездоровое любопытство такие приключения на твою занозистую русскую голову навлечёт...

– Ты чувствуешь, а я на это надеюсь. Сидя в четырёх стенах, об интересной жизни можно только мечтать. Ну, всё! Пора прощаться. Раньше, чем через три года не ждите... Я уже начинаю по России скучать... Ещё расплачусь... Лучше побегу на посадку.

Глава I. Два года спустя. Приговор, сумерки разума и другая реальность

Ослепительно яркий, несмотря на октябрьский день, желток Калифорнийского солнца упрямо растекался по раскалённой сковороде высохшего, скучавшего по дождю неба. Дождь не навещал его два с половиной года. Было только девять часов утра, но машины, крыши и редкие пешеходы уже молили светило о пощаде. И только верные стражи Окружного Суда: Холодный Закон и Скучный Порядок не давали упрямому солнцу ни малейшего шанса согреть зал заседаний и пошутить с теми, кто там находился.

Судья – невысокая, с усталым потухшим взглядом дама, зачитывала приговор:

– Ученицу двенадцатого класса...

– «Розового Заката»

– Лия Суавес будет находиться...

Два крепких мужчины быстро подошли к обвиняемой. Её испуганные глаза заматались по залу. Стало тихо. Взгляд девушки нашёл того, кого искал, и стал по-детски жалобным и обиженным:

– А как же наш приговор? Почему ты...

Дверь за ней закрылась.

Винсия плакала. Плакала тихо и беззвучно. Потому что ей было больно. Это была безнадежная боль сползания в беспомощность. Не падения, а именно сползания. Падение одаряет секундами вольного парения. Сползание тянет за кончики нервов в кошмар безысходности.

В следующую минуту тихо открылась входная дверь. На пороге комнаты заседаний стояла тоненькая девушка. Из-под неяркого мусульманского платка на Винсию смотрели тёплые, всё понимающие, всех прощающие глаза Санянт.

– Я опоздала?!

Немногочисленная публика в зале притихла. Люди опустили головы. Некоторые отвели глаза. Винсия бросилась к подруге, на ходу заметив, что вслед на Санянт в зал мягко, но с удивительным достоинством вошла её мама.

– Слушай, – жарко и горячечно зашептала Винсия. – Я прямо чувствую, что Лия докопалась до какой-то тайны. Она что-то скрывала в последнее время. И эти её ночные исчезновения...

– Я тоже об этом думаю, – поддержала подругу Санянт. – Эта тайна, мне кажется, как-то связана с её братом.

– Он – страшно неприятный человек.

– А мне он иногда кажется просто страшным, – не согласилась Санянт с Винсией.

– Так и я о том же. И ноги у этой тайны растут из Мексики. Я в этом почти уверена.

– А ещё это как-то связано с отцом Лии. Не зря же и мать, и брат сделали всё, чтобы она не узнала, кто он.

– А вдруг Лия на банду какую-нибудь вышла?! Или на настоящую мафию! Она ведь рискованная. Да ещё все эти любовные неудачи. От безнадежности люди иногда...

– Либо подвиги, либо глупости совершают, – поспешила закончить разговор Санянт, видя, как к ним уверенной походкой приближается её мама.

Она щедро обняла девочек, ласково, уверенно повторяя:

– Чшшш... Чшшш... Всё обойдётся. Верьте мне. А сейчас пойдёмте. Я вас отвезу к нам домой. Отдохнём и обдумаем, что можно сделать.

Когда Тина, запыхавшись, влетела в приёмную здания суда, из зала заседаний уже выходили последние присутствовавшие. Она поискала глазами Винсию. Её нигде не было. Не было

и третьей закадычной подружки – Санянт. А про Лию Тина всё поняла, увидев отъезжающую от здания суда служебную, с решётчатыми окнами, машину.

Она постояла, опустив плечи. Вот так стоять и страдать, может, и было уместно, но помочь это не могло никому. Во всяком случае, не сейчас.

Это был один из таких моментов, с которыми надо просто смириться. Смирение уменьшает, а иногда и побеждает сопротивление. И когда сопротивление тает в волне кротости и принятия, на его место тихо просачивается мудрость. А вместе с ней понимание и верное решение. Во всяком случае, в это хотелось верить.

Все эти мысли пронеслись в голове учительницы за секунду.

В следующее мгновение она была в своей машине. Её ожидал напряжённый рабочий день. Опять новая школа, новые коллеги, новые ученики. И она не могла себе позволить затащить старые проблемы в эту новую «реальность». Тем более что она, эта реальность, обещала быть из разряда «нереальных» и даже «фантастических».

Так, во всяком случае, ей было сказано в отделе образования. В голове тут же ожила недавняя беседа.

Когда Тина вошла в кабинет начальницы, та, поздоровавшись, отвела глаза в сторону.

– Миссис Ти! Мы хотим попросить Вас вести Новейшую Историю в школе Золотой Роши.

– В каком классе?

– В одиннадцатом. Но хочу Вас предупредить: ничему не удивляйтесь. Там вы можете столкнуться... Как бы помягче выразиться... С другой реальностью... С фантастическими героями и...

Дама замолчала и даже слегка покраснела.

– Но я ведь из России. У меня обычно всё на лице написано.

– А мне говорили, что Вы – профессионал, – разочарованно протянула начальница. – Педагог со стажем. А, значит, Вы прекрасно знаете, что такое «непробиваемый учительский апломб». Вот и спрячьте за ним свои эмоции!

– Хорошо. Предположим, эмоции похоронила. А преподавать в этом классе получится?

– Всего я Вам объяснить не могу, да и не собираюсь. А учить и заинтересовать детей в этом классе, действительно, очень желательно. Так что примените инновационные методики. Рассказывайте, что угодно, лишь бы было интересно. Только не идите у них на поводу. Это – главное!

– И всё-таки... Почему я? Человек другой культуры, другой ментальности. Да у меня и «психотип» – не в том смысле, что я типа «псих», а в смысле психологических подходов к учащимся – другой.

– Так вот именно поэтому директор школы, миссис Вия, попросила назначить в этот класс Вас, миссис Ти. Во-первых, она из Латвии, училась когда-то в Москве, и она верит в российскую методику обучения. Во-вторых, в этом классе учатся её дети.

Начальница покраснела, опустила глаза и откашлялась.

– Её не совсем простые дети... Вернее, её совсем непростые дети... Вернее...

Тут начальница твёрдо посмотрела на посетительницу и скомандовала:

– Приступайте завтра! Проблемы будем решать по мере поступления. Но лучше бы, чтобы их не было.

И она подтолкнула Тину к двери, чтобы та не успела открыть рот.

Вот в эту Золотую Рошу она сейчас и направлялась. Одна мысль её согревала: «Хорошо, что это школа Роши. Всё-таки не Чаша. Из Чаши можно и не выбраться». Шёл третий год её пребывания в Калифорнии, куда она приехала по приглашению давних американских друзей. Начало её пребывания в золотом штате совпало с началом грандиозной школьной реформы, которая требовала укомплектовать школы двуязычными учителями. Началась охота за пре-

подавателями, говорящими на испанском языке. Тина оказалась в этой немногочисленной группе.

После двух лет работы Тина Ивановна была уверена, что каждый год должен бы считаться за два. Как для тех, кто работает в России на Севере.

Одно вождение выматывало так, как ни один самый пакостливый «Вовочка с последней парты» не исхитрился бы этого сделать. Конечно, это была сугубо её проблема, но проще от этого она не становилась. Каждый раз, беря себя в руки в тот момент, когда руки брались за руль машины, Тина почти с нежностью вспоминала потрёпанные российские автобусы, лениво ползущие трамваи и даже бесшабашные, уродливые маршрутки. А московское метро казалось раем, только подземным.

В тех местах Калифорнии, где она жила и работала, ничего из перечисленного просто не было. Была, зато, очень меткая поговорка: «You drive or you die». Либо води машину, либо умирай. Конечно, когда до ближайшей булочной – не меньше двадцати километров, а большинство дорог не манили пройти по их тротуарам потому, что их, тротуаров, просто не было, о свободе выбора транспортного средства и не мечталось. Демократии было много. Выбора – мало.

Тина научилась совмещать обе части американской поговорки, выкинув из неё союз «либо» и заменив его на «и». Она водила машину *и* каждый раз чуть-чуть умирала от страха и напряжения. Да и культурный шок был всегда с ней. А, может, это она была с ним? Да неважно. Главное, что они жили и работали вместе.

Занятая этими размышлениями, миссис Ти и не заметила, как подъехала к школьной ограде и стала вспоминать свою встречу с директрисой Вией.

Она вошла в её кабинет, набросив на рот дежурную улыбку и отключив все вредные и непокорные мысли. То, что именно так надо поступать перед каждой встречей с боссами, она поняла далеко не сразу. И первые двенадцать рабочих интервью с треском провалила.

Но стоило ей начать работу и в начале каждого семестра подписывать инструкцию, которая заканчивалась фразой: «Развитие критического мышления у школьников запрещается», как она поняла все свои ошибки на собеседованиях.

С тех пор Тина прилежно тренировалась. Ежедневно. Включала критический взгляд, выключала. Включала, выключала.

Каково же было её удивление, когда директриса Вия встретила учительницу словами:

– Надеюсь, миссис Ти, Вы не разучились развивать критическое мышление у своих учащихся? И питаю надежду, что Вы не растеряли способности вовлекать студентов в групповые дискуссии и поиски альтернативных ответов.

Высокая белокурая дама сказала всё это на ломанном русско-латышском языке. Сказала уверенно и твёрдо. Но прямой властный взгляд голубых глаз не смог спрятать живущую в них привычную печаль ни за напускной холодностью, ни, за напускным же, безразличием.

Миссис Вия, между тем, продолжила, но очень кратко.

– Вы будете вести Историю в одиннадцатом классе. Новейший, послевоенный период. Мы верим в ваше образование, доверяем методике и надеемся на взаимно – обогащающее сотрудничество.

Это говорилось уже на английском с приятным латышским акцентом.

Тина въехала на школьную парковку, вышла из машины и задумалась. Потом грубо вздохнула и, отключив все посторонние мысли, включила американский «Позитивный настрой» и «Я *сделаю это!*»

Учительница быстро нашла кабинет истории, встала за дверь и прислушалась. То, что она могла уловить правым ухом, слегка насторожило. Когда, загнув оба уха в форме локаторов, миссис Ти буквально прилипла к двери и прислушалась получше, она слегка испугалась. То,

что доносилось из-за дверей, не было ни криками, ни громкими ударами. Всё было намного хуже.

Глава 2. Розовый закат на чёрном озере, живой покойник и подвал ужасов

Вечеринка по случаю Хэллоуина была в разгаре. Впервые им разрешили праздновать этот не всеми любимый праздник по-взрослому: без родителей, на заброшенной даче Сэма. Сама дача и её расположение придавали особый привкус «неправедному сборищу чёрной силы», как называли этот праздник собравшиеся. Все они были учениками выпускного, двенадцатого класса лучшей школы в округе с поэтичным названием «Школа Розового Заката».

Дача возвышалась довольно уродливой пирамидой на берегу «Чёрного озера». Само озеро славилось тем, что напоминало кальмара, протянувшего кривые щупальца в глубину хоть и небольшого, но дикого и лохматого леса.

– Эй, Сэм, не пора ли нам открыть папин ящик с пивом? – гнусаво протянул Боб. – Мы же знаем, что он всегда прячет пару ящичков в подвале.

Девочки затарахтели все разом, возражая.

– Сэм, ты же бойскаут! Бойскауты не пьют!

– И это не наше пиво!

– И, вообще, пора в страшилки играть.

– Так вот и поиграем! Кто пойдёт в чёрный, чёрный подвал по очень старой и гнилой лестнице? – не сдавался Боб.

– Ты и иди! – закричал Призрак с огромными ушами и сверкнул Очками Ужаса с батарейками. При каждом резком движении головы батарейки включались, и глаза сверкали противным, иногда просто мерзостным, грязно-болотным светом.

В этот момент Сэм что-то разглядел в окне и истошно закричал:

– Покойник! Там... На дереве...

Самая крупная и невозмутимая девочка презрительно хмыкнула и подошла ближе к оконному стеклу.

– Боже мой! Боже мой! – завопила она. – Он дёргается и открывает рот!

Староста класса, всегда прямой и несгибаемый Джесс, решил взять ситуацию в свои руки.

– Сэм и Боб, идите за мной! Накиньте накидки или плащи, дождь пошёл!

Это было невероятно. После двух лет засухи косой, путающийся в фалдах ветра мощный ливень, решил, видимо, подыграть всем любителям нечистой силы и накрыл окрестности дачи рыдающим куполом водной стихии, в котором захлебнулись все привычные звуки и краски.

Ребята в растерянности оглядывались по сторонам, ища Фанки. Фанки был мастером на разгрыши и на всякие невероятные переодевания. Он так в этом преуспел, что однажды учитель религии чуть не поверил в раздвоение собственной личности, зайдя в класс и столкнувшись нос к носу с самим собой, стоящим у доски и торжественно поющим псалом «К радости». После этого Фанки долго не ходил в школу, откуда его исключили на целый месяц, но исправно ходил в местный центр Коррекции Умственного Здоровья, куда добровольно поместил себя учитель религии. Несмотря на истеричные протесты учителя, Фанки считал своим долгом навещать его.

Джесс остановился и прислушался. Со стороны леса неслись сдавленные, слабые стоны. Иногда они переходили в хрипы. Ребята подкрались к дереву, с которого что-то свисало, и тут же в ужасе остановились: под деревом лежал покойник. Бледный, начинавший синеть двойник Фанки.

Джесс призвал всю свою бойскаутскую силу воли и дотронулся до ног свисающего человека. Ноги дёрнулись.

– Сэм, лезь на дерево! Боб, принеси нож, пилу и нашатырный спирт! – чётко отдавал команды староста.

Сам он подставил крепкие плечи под ноги свисающего человека, чтобы ослабить силу натяжения верёвки. Через несколько минут настоящий, но полуживой Фанки, лежал на сырой земле и пробовал открыть глаза. Рядом валялся его Хэллоуинский двойник-покойник.

Что произошло, стало ясно только спустя полчаса. Именно столько понадобилось Фанки, чтобы прийти в себя и начать говорить.

Будучи «пофигистом», когда дело касалось учёбы, Фанки был абсолютным перфекционистом, как только речь заходила о «приколах» и розыгрышах. В эту чёрную ночь, на берегу Чёрного озера, набухавшего чёрными дождевыми и грязевыми потоками, он решил разыграть всех по-чёрному. Целый месяц Фанки изготавлял себя самого, только тряпичного (не без помощи мамы, от которой он и набрался этой страсти к пугалкам), чтобы устроить «Чёрную Вечеринку Века». Он незаметно вышел из комнаты и направился к ближайшему от окна дереву, под которым его ждал приготовленный заранее табурет, и, не спеша, приступил к выполнению плана.

Будучи, как уже отмечалось, перфекционистом, он добивался абсолютной правдивости создаваемых образов. Чтобы понять, как «правильно», то есть естественно, должен свисать труп с дерева, он решил поупражняться на себе.

– Я влез на табурет, обернул петлю вокруг шеи, запомнил, на какое место какой ветки надо будет повесить «себя», и стал готовиться к спуску на землю.

Но Фанки не подумал о том, во что превратился пластмассовый табурет под таким сильным дождём. Нога соскользнула с мокрого сиденья, и он повис. Повис, действительно, очень натурально и естественно. Чем бы всё кончилось, если бы не взгляд Сэма в окно, ребята решили не думать. Зато все дружно согласились открыть коробку пива в подвале.

Возражали только две девочки. Серьёзная, разумная, рассудительная Софья и её лучшая подруга: взбалмошная, необыкновенно живая, всегда всем сочувствующая хохотушка Тришка. Так все называли её с первого класса, начисто забыв красивое, но слишком длинное для «эсэс-мэсок» имя Патриция.

– Мы вообще не должны были устраивать эту вечеринку сегодня! – решительно и громко сказала Софья.

– Вот и именна, – тихо поддержала подругу Тришка. Она всегда тянула гласные, которые ей нравились, и не утруждала свой пухленький ротик правильным произношением последних звуков.

– Это ещё почему?! – взвопил, вытянув толстую шею с красным следом от верёвки, всё ещё иссиня – бледный Фанки.

– Потому что сегодня случилось несчастье с Лией. Когда нашему товарищу так плохо, мы не должны что-то там праздновать, – уверенная в своей правоте Софья говорила, как их нелюбимый учитель физики: повелительно и с выражением превосходства на слишком красивом для отличницы лице. Её строгие чёрные глаза обдали всех морозным ветерком осуждения.

– Да кто вообще круглых отличников будет слушать? – встал на сторону друга Сэм.

– И, вообще... Лия сама во всём виновата, – вступил в разговор староста Джесс.

Джесс был из тех, из кого «прорастают» правильные республиканцы, будущие губернаторы и члены конгресса: всегда в отлично сидящем на нём костюме с умно подобранной, застёгнутой на все пуговицы рубашкой в элегантную мелкую полоску, которую оттенял строгий, в меру яркий, галстук. Всегда счастливый и позитивный староста умудрился даже на «нечестивую» вечеринку придумать «благочестивый» костюм. Он облачился в тогу судьи и намеревался выносить Высший Приговор всяким несправедливым недоумкам, вроде Слепой Летучей Мыши или, свихнувшемуся от безделья, Призраку Печали. Какие печали могут быть у здорового молодого человека в его великой стране?

– Лия никогда не отличалась сдержанностью. Так что я считаю, что общение с хорошим психиатром пойдёт ей на пользу, – не без удовольствия огласил свой «приговор» Джесс.

– Ты что, вееришь её браату?! – не без злости протянула Тришка. – Да он самовлюблённый, избаалованный, нааглый лгун!

– Если бы только лгун! – резко вступила в спор Софья. – Я уверена, что он замешан в преступном бизнесе. И не в одном. Как может не очень образованный, почти неработающий красавчик из Мексики позволить себе ездить на Инфинити последней модели и держать в гараже кабриолет? А как он со всеми разговаривает? Смотрит на тебя, как будто монетами осыпает и ждёт нижайшего за то поклона.

– А глааза? Вы сматреели в его глааза?! Нет! Не сматреели! Потому что он их отвоодит. Он только на тех, кто слаабее или младше него, смотрит. Причём, всегда сверху вниз. Я его боюсь с пееервой встрееечи. Он тогда пришёл за Лииией в школу, а она не хотела с ним уходить. Как будто родного брата боялась. Схватила за руку Саният и так умоляюще на неё смотрела... Словно просила защитить.

– Ладно, брату вы не верите. Ну а камере наблюдения?

– А у тебя дома, в вашей кухне и холле, есть камеры наблюдения?

– Конечно, нет. Что за чушь ты несёшь? – возмутился Джесс, но резко замолк и понял, что попался.

– Вот именно! Зачем в бедном доме иммигрантов, где все живут на пособие, кроме, кстати, Лии, которая работает с шести лет, нужны камеры наблюдения? Почему ни судья, ни адвокат этого вопроса не задали?

– Это спрашивайте у них. Что касается меня, то я своими глазами видел, как на видеозаписи Лия несётся с ножом за своей мамашей. И только брат спасает обеих: мать от убийства, а Лию от тюрьмы.

– Ой-ёй-ёй! На-сме-шил! Лия с маленьким бойскаутским ножиком, пригодным разве что листья с веток очищать, собирается нанести удар в сердце своей мамаше, причём, сзади и находясь в пяти метрах от неё!

– Ну, не знаю, – стал сдаваться Джесс. – И вообще, хватит дебатов! Мы же не на факультативе по риторике. Давайте уже пиво пить. Сегодня можно. Кто пойдёт в подвал?

– Так Фанки и пойдёт, – рявкнул Сэм. – Это же из-за него вся вечеринка рухнула.

Фанки лениво поднялся с дивана, на котором отходил от самоповешения, и бодро направился к чёрной, с огромным замком, двери.

– А где ключ? – повернулся он к другу, но тут же понял, что замок был открыт. Он висел на одной скобе и криво ухмылялся беззубым железным ртом. Фанки открыл дверь, которая издала ржавый писк, и исчез в темноте. Ребята молча ждали. Говорить почему-то никому не хотелось. Когда круглая голова Фанки не появилась из подвала ни через пять, ни через десять минут, Сэм занервничал. Они с Джессом переглянулись, боясь поверить собственной догадке.

– Ты думаешь, нам надо спуститься? – шёпотом спросил Сэм старосту.

– Я думаю, да. Надо быть готовыми к неприятностям покруче, чем покойник на дереве.

– Неужели он на это способен?

– Фанки способен на всё. Даже на то, чтобы всю коробку пива самому оприходовать.

В этот момент из подвала донёсся крик. Кричал, явно, не Фанки. Голос был абсолютно чужой. Глухой и хриплый. Так мог бы рычать разбуженный среди спячки старый, уставший медведь. Не крик, а жалостливый рык.

В следующую секунду к рыку присоединился резкий, истошный вопль Фанки.

Сэм бросился за ружьём в кладовку, а девочки проявили чудеса храбрости и на цыпочках, прячась за невысокую, но крепкую спину Тришки, направились к входу в чёрную пасть

подвала. Женское любопытство лишний раз доказало своё превосходство над мужским здравым смыслом.

Первой заглянула вниз Тришка. Она не закричала, не завопила, а, наоборот, застыла не шелохнувшись. Снизу теперь тоже не доносилось ни звука. Через пару секунд из подвала раздался треск. Треск мог принадлежать скелету, который решил пройтись или попрыгать, зная, что у него артрит, артроз и хондроз во всех костях и суставах. Это был отчётливый звук дребезжащих, ломающихся или насильно сгибаемых костей. Потом всё затихло. На две долгие секунды. Затем затрещало опять. Только в этот раз скелет решил выбраться из могилы и трещал всеми костями разом. А следом раздалась глухие звуки:

– Всё равно мы мёртвые... Не старайтесь... Мы всё равно мёртвые...

На последнем слове «мёртвые» вполне живой Фанки и, мало похожий на скелета здоровенный мужик показались на верхней ступеньке. За мужиком тянулась какая-то проволока. На её противоположном конце громыхало нечто, напоминающее радиоприёмник, который таковым и оказался. Мужик выглядел, как старый дворовый пёс, к хвосту которого привязали пустую консервную банку и заставили бегать и развлекать не очень добрых детишек.

Фанки, а за ним и мужик, бросились в поисках убежища. Фанки выбежал на улицу и в панике готов был опять залезть на дерево, которое едва не стало для него виселицей. Мужик оказался поспокойнее и закрылся в туалете. Через минуту он приоткрыл дверь, но, увидев Сэма с ружьём, замуровался возле туалетного бачка намертво.

Джесс и Призрак с Мигающими Глазами приволокли с улицы онемевшего Фанки.

Его опять уложили на продавленный диван и все на него воззрились в немом вопросе:

– Что, чёрт возьми, произошло?

Фанки молчал и вздрагивал. Вздрагивал и опять молчал. Иногда тихонечко скулил.

Всем надоело ждать. Ребята решительно подошли к туалету и Сэм гаркнул:

– Эй, мужик, выходи! Не выйдешь сам, буду стрелять. Ты в мою собственность проник. И полицию вызову.

Бачок в туалете хрюкнул, раздалась шаги и дверь открылась.

Перед детьми был типичный бомж: небритый, невымытый, дурно пахнущий, с проволокой в руке.

– Рассказывай всё! И честно! Как в подвал попал, что там делал и почему орал.

Бомж оказался безобидным бродяжкой их Детройта. Всю жизнь он работал на заводах Форда, на жизнь хватало, но отложить что-то не удавалось. Когда дети (а их было трое) выросли, продажи американских машин, наоборот, резко упали. Бомжа уволили. Лет ему было немало, и новую работу в разорившемся городе-призраке Детройте никто ему не предлагал. Он решил податься в солнечную Калифорнию. Здесь можно почти весь год спать на улице и питаться тем, что тысячи ресторанов выбрасывали, даже не надкусив.

– А жена? Она где? – спросила Софья. Звучала она строго и осуждающе.

– Так она сразу от меня того... ушла, то бишь, смылась. Как только я работу потерял.

Гость говорил с таким деревенским, провинциальным акцентом, что девочки разублались и смягчили тон «допроса».

– А почему Вы кричали и рычали в подвале? И что Вы там делали? И как вообще здесь оказались?

– Так я сюдой часто наведываюсь: погреться, пивка попи...

Бедняга не договорил. Услышав про «пивко», Фанки пришёл в себя, скатился с кушетки и бросился к мужику на шею. Обниматься он не собирался, а вот стукнуть его пару раз точно захотел. Но Тришка, которая занималась боксом с шести лет, вцепилась ему такой боди – апперкот слева, что он тихо вздохнул, присел и затих. Сегодня, явно, был не его день.

– Чего орал-то? Сидел бы себе тихо да пивко попивал.

– Да энтого вашего, ну... энтого, который напротив меня сидит, испугался. Глядь... А на меня висельник идёт. На шее полоса от верёвки свяркает, рожа синяя, а губы белые. Тут зарычишь.

Первым согнулся в хохоте Боб. В сильном возбуждении от всей этой истории, он стал дёргать своего друга Призрака за руки, приглашая повеселиться вместе. Голова с Очками Ужаса затряслась, и глаза замигали жутью и грязно-чёрными болотными отблесками. Мужик закрыл голову руками и завыл. В этот раз он подвывал, как койот на неудачной охоте. Хор получился на славу. Бомж вопил истошно и тонко, Боб рассыпался фальшивыми гитарными аккордами на три ноты, староста с Сэмом благородно смеялись, стараясь подчёркнуть мужественные нотки в своих молодых баритонах, а Призрак катался по полу, издавая те звуки, которые получалось издавать.

Насмеявшись, ребята решили выяснить, что за проволоку тянул за собой «подвальный сиделец». И кто кричал о том, что они мёртвые.

Гость оказался бывшим радиотехником. Много лет он устанавливал навороченные стереосистемы и автомобильные телевизоры в машины требовательных клиентов на заводах Форда. В этот Хэллоувин бедняга доковылял до дачи засветло. Чёрное озеро кишело празднующими, а его берега превратились в одну большую парковку. Некоторые машины были с антеннами. Некоторые с радиоприёмниками. Самые навороченные – с телевизорами и компьютерами. Мужик решил, что будет справедливо, если он найдёт какой-нибудь Форд, напичканный аудио и видео гаджетами, и позаимствует из него кое-что для своего личного праздника.

Тут блеклые глаза пленника хитро сверкнули, и он важно изрёк:

– А кто же его знает... Может, я эти штуковины сам им и прилаживал. А, значит, имею право... Попользоваться.

Недолго думая, он вытащил одну антенну и один радиоприёмник из незакрытого автомобиля и скрылся в подвале дачи. Настроил всё это на местную волну и начал праздновать.

Дальше ребята всё поняли сами. Каждый Хэллоувин находились приколышки радиолубители, пугающие легковых старушек и слишком доверчивых домохозяек «Эфиром из Преисподней». Местная полиция их ловила, наказывала, но каждый год кто-нибудь «вёл прямой репортаж» либо из свежей могилы, либо из местного морга, а некоторые предлагали позвонить на прямую горячую линию самому Принцу Тьмы. И ведь звонили же...

За окном, между тем, тихий сумеречный свет разогнал все тучи. Лес выдохнул на озеро облако свежего воздуха, и озеро покрылось нежной, глубокого зелёного цвета рябью. Девочки выбежали на улицу. Им хотелось помолчать, подумать и не спеша прогуляться вдоль водоёма, в котором уже плавал и кувыркался хрупкий полумесяц, добавляя в изумруд воды брызги золотых россыпей. Все их мысли были о Лии, которую в классе любили и уважали. Подруги ценили её за не по годам острый ум, неуёмную энергию в поисках счастья, за умение хранить секреты и всегдашнюю готовность дать списать. Последнее в их школе было такой редкостью, что стало символом непонятной большинству душевной щедрости. Фраза «добрая, как Лия» стала почти что поговоркой. А ещё все просто поражались умению Лии дружить. Три подружки – американка Винсия, чеченка Саня и мексиканка Лия – были разве что не школьной достопримечательностью.

Если бы девочки знали, как сильно ждали их brave друзья-бойскауты этого момента. Едва за девушками закрылась дверь, бомж скользнул в подвал и вскоре... вечеринка началась. За полчаса пиво было выпито, животы окончательно надорваны, подорваны и почти оторваны в новых и новых конвульсиях смеха. К тому времени, когда подружки достигли противоположного берега, парни принялись за вторую коробку. А когда девушки вернулись, со второй коробкой тоже было покончено.

Фанки разпушился и расхвостился, как главный индюк птичьего двора, и решил подправить свою сначала подвешенную, затем подмятую, а потом и вовсе нокаутированную репутацию.

цию. Он принял решение идти домой пешком. Да, через дикий лес! Да, через ямы и ухабы! Да, через овраг, где водилась нечистая сила! В общем, навстречу всем этим худосочным призракам леса.

Отговорить его не удалось. Он встал, расправил увесистые плечи, и, ступая не очень твёрдо, ушёл.

Остальные ребята вызвали такси, разрешив бомжу пересидеть на даче до утра. Вернувшиеся девочки объявили мужской половине бойкот. Они погрузились в молчанку и заявили, что доберутся домой сами. Тришка позвонила старшему брату и попросила забрать их через час. Они хотели навести хоть какой-то порядок на притихшей, обалдевшей от приключений, со слегка поехавшей крышей даче.

В последнюю минуту Призрак озабочился судьбой «бедного Фанки» и наотрез отказался садиться в такси. Он решил последовать за другом. Пешком, в тёмный лес и через нехороший овраг. Удержать его не удалось.

Глава 3. Встреча цивилизаций и полёты перед доской

Только взявшись за дверную ручку, Тина Ивановна вспомнила, что сегодня был Хэллоуин. От этой мысли ей даже стало легче. Наверняка, то, что раздавалось за стенами кабинета истории, было какой-нибудь Хэллоуинской штучкой. И она смело вошла в класс.

Однако, увидев и услышав тех, кого ей предстояло обучать Новейшей Истории, она потеряла весь учительский кураж. Глаза цвета морской волны округлились. Русые волосы ошутимо зашевелились на макушке и ближе к затылку. Небольшой в естественных условиях рот взял челюсть в свои руки и резво оттащил её вниз... Да там и оставил. Она даже стала ниже ростом, которым и так никогда не отличалась.

Миссис Ти стояла, молчала и слушала.

Половина класса разговаривала на очень странном, никогда ею не слыханном языке.

Язык звучал примитивно и смешно. Она сразу вспомнила известную русскую комедию:

– Кин-дза-дза...

– Куу...

На неё смотрели, нет, это сильно сказано, поглядывали через прорези амуниции Штурмовики... Настоящие... Из «Звёздных войн» Лукаса. Из-под тяжёлой светящейся короны непрощеную гостью старался уничтожить своенравный взгляд принцессы Падме. Её величество Лея пыталась заморозить пришелицу властными «световыми» брызгами из-под слишком большой, нелепо сидящей на её маленькой головке диадемы. Дарт Вейдер злобно косился в сторону учительницы, приподняв капюшон грязно-коричневого балахона. Королевские гвардейцы угрюмо выглядывали из-под своих «визоров». И только Люк Скайуотер не смотрел на неё вообще. Она его внимания не заслуживала. Миссис Ти поискала глазами мудрого наставника Бена Кеноби, но он отсутствовал. Может, ушёл, забрав остатки ума у непокорных, своенравных повстанцев и не желающего взрослеть ученика.

– Добро пожаловать в новый эпизод Звёздных Войн местного образца – поняла она.

Остальные шесть человек выглядели вполне по-человечески, но все до одного разговаривали на непонятных, каких-то экзотических языках. И ни один не прервал милую беседу с товарищем или подругой при её появлении.

На раздумья у Тины были секунды:

– Хотите поиграть? Сейчас поиграем! Другая цивилизация у них, видите ли!

Миссис Ти начала урок. Внутри неё лёгким облачком вспорхнула хулиганистая, ребячья вредность. И она заговорила на русском языке, вставляя для куража звучные испанские и итальянские слова. Представившись и, нимало не заботясь о том, поняли они что-нибудь или нет, учительница подошла к карте мира и классной доске.

Написав цифру 1945 год, а под ней три даты: 8мая, 9 мая и 2 сентября, Тина приступила к рассказу о разгроме Германии, об окончании Великой Отечественной и Второй мировой войн. Неожиданно вспомнив школу Станиславского и уроки актёрского мастерства, на которые студентов силком загоняли преподаватели университета, Тина лихо разыграла историческую драму « Гитлер капут, мы победили, фашизм не пройдёт».

Когда она дошла до самоубийства фюрера, над её губой появились гаденькие усики, нарисованные чёрным маркером, а затем Тина лихо плюнула на ладошку и размазала по лбу косую чёлку. Она вошла в образ так глубоко, что когда, в агонии, упала головой на учительский стол, у неё не было никакого желания с него подниматься.

Потом Тина бегала перед картой, изображая самолёты всех видов: разведчики, бомбардировщики и даже штурмовики. Она надувала щёки и безобразно свистела, изображая бомбардировку Хиросимы и Нагасаки американскими лётчиками. Вышагивала на Параде Победы в Москве и выступала с обвинительной речью на Нюрнбергском процессе. Возможность гово-

речь на родном языке смягчила душу, и учительница старалась употреблять всё больше международных слов, понятных каждому. И проговаривать их мед-лен-но и внят-но.

«Сражение» заменялось на «баталию», «самолёт» на «аэрокрафт», «захватили» звучало как «арестовали», а «остановить наступление» превращалось в его «блокировку» и далее по списку. Тина даже пару раз упомянула имя Джорджа Лукаса, режиссёра «Звёздных войн». Он просмотрел много документальных фильмов о войне и, особенно, о лётчиках, прежде чем написал самые удачные батальные эпизоды.

Наконец, она выдохнула остатки задора и замолчала.

Доброе учительское сердце нашёптывало ей вопрос, который следовало задать.

– Any questions? Вопросы есть?

Но строгий преподаватель внутри неё говорил голосом директрисы Вии:

– Не поддаваться! Ни одного слова по-английски! Они начали эту игру в молчанку, они и должны её прервать.

Тогда Тина подошла к доске и нарисовала несколько вопросительных знаков, вертя глазами во всех направлениях. Ей казалось, что таким образом она подсказывала ученикам, что делать. Было тихо. Не разговаривал никто. Даже капризная и своевольная Лея сидела, как пай девочка, сняв нелепую диадему и подперев нежную пухлую щёчку рукой. Её песочного цвета волосы заиграли всеми красками золотых Балтийских дюн. Учительница поняла, кто здесь дочка миссис Вии.

Вопрос пришёл, откуда она не ожидала. Самый тихий, смуглый мальчик подмигнул ей бархатным шоколадным глазом и сказал на мягком, с азиатским акцентом, английском:

– А нам кого спрашивать? Вас или Гитлера? Вы же до сих пор с усами и приклеенной чёлкой.

Тина застыла в ступоре. На секундочку. А потом все взорвались добродушным смехом. Нет, чуда не случилось. Костюмы никто не снял. Но недобрая атмосфера слегка подтаяла. Пока миссис Ти стирала усы и расклеивала чёлку, в классе поднялись сразу две руки. Первая принадлежала девушке с первой парты. Тина сразу выделила её среди всех учеников. На неподходяще красивом чёрном лице жили своей жизнью блестящие, полные дерзкой непокорности, мудрые глаза много повидавшего человека.

– А у Вас дети есть? – с вызовом спросила девушка.

– Двое, – коротко ответила она.

– А у меня пять – отрубила она и подняла опять руку.

– Да, ещё вопрос?

– А настоящую войну Вы вблизи видели? От смерти спасались?

– Нет.

– А я от неё, от войны, убегала. И вот до самой Америки добежала.

Тина заметила шок на лицах «звёздных принцесс» и поняла, что ученики этого класса ничего друг о друге не знают. Или почти ничего. Почему-то вдруг вспомнился печальный взгляд голубых глаз директрисы.

– А из какой страны ты от войны убегала? – это подал некрепкий голос сам Люк Скайуокер.

– Из Южного Судана.

– Вы знаете, – Тина попыталась вступить в разговор. – Мы будем очень благодарны, если на одном из уроков Вы нам расскажете свою историю. Договорились?

Все тихо и разом закивали головой.

Поднялся черноглазый, шустрый на вид подросток, сидевший рядом с похожей на него девочкой.

– А когда мы будем смотреть кино?

– Какое кино?

– Ну... По истории. Мы на уроках истории всё время кино смотрим.

– И какие же фильмы вам запомнились?

Мальчик молчал. Несмело, срывающимся голосом, ответила его соседка:

– Спаси рядового Райена.

– А ещё?

– Звёздные войны. В этом классе мы всё время только их и смотрим. Разные эпизоды...

– Это интересно! И кто же мне расскажет в трёх-пяти предложениях сюжет этих фильмов? Я их не видела.

– Почему?! Да такого быть не может! Вы нас разыгрываете!

– Скучно. Наверное, во мне чего-то не хватает, но спецэффекты меня в сон вгоняют. Я их называю цитатой из Шекспира: «Много шума из ничего». Конечно, это сугубо моё мнение. И большинство моих знакомых его не разделяют. Но идея и тема фильма интересные. Я сценарий читала. Самый первый. Так кто меня просветит? О чём фильм?

Тут заговорили все разом. Громче всех звучал голос императора Палпатина из второго эпизода:

– Это фильм про войны, про умных джедаев, про Мёртвую звезду.

Остальные говорили что-то в подобном духе. Сыпались режущие ухо имена, упоминались световые мечи и торпедные бомбы. Но ни один не мог сказать, про что, собственно, фильм. Тогда слово взяла сама Тина:

– Как вы думаете, что может заставить человека сесть за стол и начать писать книгу или сценарий? Быть часами одному, в полном одиночестве, когда другие гуляют, веселятся или в бейсбол играют?

– Может, этот человек хочет много денег заработать? – предположил один из штурмовиков.

– Верно. Это одна из причин. Но на бирже или в строительном бизнесе деньги заработать куда легче. А люди зачастую бросают самый прибыльный бизнес или работу и начинают писать. Почему?

– Может, они прославиться хотят? Брокеров и менеджеров много. Их никто и не знает. А фамилию Лукас сейчас знает весь мир.

– И это – сущая правда. А сколько других известных фамилий писателей или режиссёров вам приходят на ум, кроме Лукаса? Ведь писателей тысячи. А известных – единицы.

Все молчали.

– А почему именно его фильмы вас так «на крючок» поймали?

– Потому что они о подростках. О молодёжи.

– В них много приключений.

– Там интересно говорится про тёмные силы и светлые силы.

– Этот фильмы о том, как стать Героем.

– Точно! Сам Лукас говорил, что он хотел показать «правильный» жизненный путь юноши-подростка: его возмужание и превращение в Героя. Многие думают, что это ему удалось. В конце фильма все понимают, что без «подключения» к межгалактическому энергетическому полю силу обрести невозможно.

– А как к нему подключиться? Как наполниться силой энергии? – серьёзно, без иронии, спросил Люк Скайуокер.

– Я не специалист по энергетическим полям. Могу только догадываться. Наверное, надо много учиться и набираться опыта... Делать что-то конкретное, стоящее, интересное. Не бояться приключений и всего нового. Любить своё воображение. И, мне кажется, не стоит слепо подчиняться приказам и инструкциям.

– Вот это да! Даже в своих наставниках сомневаться?

– Даже в школьных инструкциях?

– Думаю, да... В фильме есть герой, который был настолько верен своему наставнику, что выполнял все его приказы с точностью до буквы. И что с ним стало? Я говорю о Дарт Моле с планеты Иридония. Или возьмите штурмовиков! Всегда и везде они верны империи. Послушно бегают по Звезде Смерти там и туда, куда им начальник прикажет. А результат? Ни одного сражения выиграть не могут.

– А Лукас много читал?

– Да! Лукас очень любит читать. У него есть несколько самых любимых книг.

– Можете назвать хотя бы несколько? – спросил «Дарт Вейдер»

– Книга Айзека Айзимова «Основание». Ему нравятся все романы Фрэнка Герберта и Эдгара Райза Барроуза. И многие другие, которые мне вот так, навскидку, не вспомнить. А ещё Лукаса восхищают японские истории и сказки о самураях. И японский режиссёр Акиро Куросава – это его кумир.

Между тем, шустрый черноглазый мальчик упрямо повторил вопрос:

– А кино мы когда смотреть будем?

– А мы не будем смотреть кино. Мы будем по-другому изучать историю, – очень твёрдо ответила Тина. К её огромному облегчению, никто не возразил. Только Скайуокер бросил на неё взгляд, полный искренней неприязни. Даже ненависти.

Время урока вышло. Миссис Ти стала прощаться с классом. И, только выходя из кабинета, один из ребят выкрикнул:

– А Вы на русском языке бегали перед доской?

Из-за того, что он ошибся, вопрос получился вполне из разряда «Школьных приколов». На всех опять напал смех. А миссис Ти ответила:

– К Италии на итальянском подлетала.

Глава 4. Русская подводная лодка и весёлая ночь в душевной больнице

Домой Тина добиралась долго. К вечеру пошёл дождь, и движение на дорогах встало так, как в России оно может встать только в сильнейший снегопад.

Так как это был вечер Дня Нечистой Силы, то и дождик включился в праздничные розыгрыши. Он то серел и темнел, заливаясь ехидными всхлипами, то впадал в ярость и грубо барабанил по крыше машины, как будто требовал впустить его внутрь. Но через минуту затихал и начинал подыгрывать серебристыми капельками уставшим от собственной яркости лучам заходящего солнца.

Перед тем, как лечь спать, Тина всегда слушала радио. Для языковой практики она, естественно, выбирала разговорные станции. Так она поступила и в этот раз. Тем более что в этот вечер на это была ещё одна причина. Мысли о том, что случилось с Лией, её самой любимой и невезучей ученицей, не оставляли никакой надежды на то, что, прикоснувшись к подушке, голова примет решение забыться во сне.

Миссис Ти прикрыла глаза и нажала кнопку приёмника.

– Тревога! Уровень пятый! Перископ российской подводной лодки только что показался в заливе Нью Йорка!

Её встряхнуло и передёрнуло. В следующую секунду Тина вскочила.

– Повторяем! У вас осталось несколько минут до возможной атаки с борта российской подводной лодки! Торопитесь! Покидайте дома и немедленно включите телевизоры!

Станный до глупости приказ покидать дома при включённых телевизорах озадачивал... В панике, Тина покрутила настройку приёмника. Если начинается война, то ведь все станции должны прервать передачи и оповещать граждан. Первая же радиостанция обдала её вкрадчивым, тёплым голосом Фрэнка Синатры. «It's my way...» уверенно выводил любимец женщин, оповещая всех о том, что у него «Свой путь». О войне и пути в бомбоубежище Синатра не заикнулся.

Следующий голос оказался женским. Тоненько и смущённо дамочка щебетала о своём, о женском: как угождать мужу, что одевать, если он пригласит тебя в ресторан, какой макияж когда уместен. Тина крутанула ручку назад:

– До атаки осталось, возможно, пара минут! Но они у вас ещё есть! Вы ещё можете купить «Набор для чрезвычайных ситуаций». С нашим набором вам не страшна даже атака с российской подводной лодки. Скидки действуют для тех, кто позвонит в телестудию «Магазина на диване» прямо сейчас. В набор входят: 10 батареек, упаковка....

Тина рухнула на стул. Её натурально трясло от злости. Гнев включил критическое мышление на полную катушку. Она задумалась, потом решительно набрала номер телефона, который как в нирване повторял ведущий: позвони мне, позвони... Набери 6359...

– Здрааавствуйте! – приторно пропела она в трубку. – А набор для слишком эмоциональных и нестабильных у вас есть? Ну, для тех, кто в такой ситуации ничего не соображает и буйствует?

– Одну минутку, мэм, – радостно заворковал продавец. – Вот, уже нашли!

– А два?

– Конечно, мэм, и два найдём.

– Слушай, мужик, съешь их оба разом! Один тебе не поможет!

И Тина повесила трубку. Мужик из рекламной кампании взял, видимо, перерыв на приём лекарства. Крики прекратились, полилась джазовая композиция Дюка Эллингтона.

Но не зря же говорят: не поминай лиха. Её «лихо» тут же достало Тину звонком. И был он из Клиники Психического Здоровья.

– Это миссис Ти? – вежливо и устало спросил мужской голос. Убедившись, что попал по нужному номеру, мужчина представился:

– Меня зовут доктор Хат. Я звоню из клиники Коррекции Психического Здоровья.

– Чем я могу Вам помочь? – спросила она доктора, тут же осознав, как глупо прозвучал вопрос, и не к месту хихикнув.

– Очень даже можете, мы надеемся. К нам тут полиция доставила двух ваших учащихся. Из двенадцатого класса школы «Розового Заката». Они утверждают... Скорее, бормочут, что Вы, миссис Ти, их классный руководитель.

– Допустим. Но у них есть родители. Мне кажется, что Вам лучше связаться с ними.

– В том то и дело, что они умоляют не звонить родителям. Как недавний студент, я их понимаю. Вы знаете, я интерн, отрабатываю свои два года до лицензирования.

Вы своих студентов всё-таки знаете. Поможете разобраться. Мы в сомнении: надо их госпитализировать или можно отпустить домой.

– А Лию Суавес тоже к вам поместили? – выпалила Тина, пока юный доктор не вспомнил о врачебной тайне.

– Да! Ох, да ведь я не должен был говорить.

– Всё нормально. Я умею молчать и быть благодарной. Я подъеду. Буду через полчаса.

Мелкий дождь погрузил городок Эскондидо и скоростную «дорогу безумцев» I-15 в унылое облако мороси. Знаменитая трасса вела напрямик в Лас Вегас и славилась безумными водителями. Направляясь в пятничный вечер в игорное королевство, люди горели шальным желанием выиграть безумно много денег. И машины они вели соответственно: сто пятьдесят-сто восемьдесят километров в час было обычной скоростью. По словам знакомого полицейского, на этой трассе движением командовали Призрак Удачи на пути в игорный рай (или ад) и Бес Отчаяния по дороге домой.

Так что миссис Ти не стала искушать судьбу и решила добираться до больницы по «старушке» 101. Она полюбила эту дорогу с первых дней своего бездарного вождения. Машин было в три раза меньше. Полоумные водители, спешащие на небеса без направления доктора, отсутствовали. Сама дорога вилась в окружении приятных зелёных холмов и разноцветных, сельского вида, домиков. Один участок трассы прилегал почти вплотную к кражистым, загоревшим до красной пузырчатой шкурки скалистым горам. В этот раз Тина замедлила скорость, огибая высокую, выжженную до последней травинки скалу, которая ей всегда нравилась. Она изящно, но сильно, тянула вверх свои четыре руки – отрога, раскрыв их ладонями к небу как в вечной молитве. Но в этот раз что-то на правой «ладошке» зацепило взгляд женщины.

– О, господи, да это же красный цветок! – выдохнула она.

На голой, без единой травинки горе, хрупкий цветок победно тянулся вверх, как большой палец руки, крича на всю округу: « Вот здорово! Я расцвёл!»

Тина сама себе удивилась, когда она вдруг притормозила, закрыла глаза и тихо попросила цветок поделиться с ней стойкостью и терпением. Ведь её ждала не самая весёлая больница и совсем невесёлые проблемы.

Через двадцать минут она добралась до Центра Психического Здоровья и припарковала машину на почти пустой стоянке. Тина заглушила двигатель, зачем-то захватила с собой зонтик, и, спрятав смутнение и неуверенность за уверенным учительским голосом, попросила администратора пригласить доктора Хата. Замороженная улыбка появилась на бесцветном, без всякого выражения лице девушки и исчезла. Пошептавшись со своим компьютером, она вяло махнула безвольной рукой куда-то вправо. Миссис Ти не стала переспрашивать и поспешила в том направлении, куда она показала.

В узком белом коридоре одна дверь была распахнута. В неё она и вошла. Кабинетик оказался малёхоньким. Два на три метра, не больше. Тюремный стандарт. Да и внутри было как в камере: какие-то нары, один стул, ни окна, ни картинки на стене, ни даже жизнеутверждающих плакатов типа «Если в пустой комнате ты слышишь голоса, не пугайся: все писатели с этого начинали». Или, например, что-то типа « Не впадай в психоз сразу. Дождись, когда тебе принесут счёт за оплату больницы! ».

Но стены были серыми и унылыми до безобразия.

Вдруг раздались шаги и чей-то голос. И то и другое доносилось из коридора. Тина выглянула. К ней направлялся клоун. В такой больнице, как эта, клоуном в ночь Хэллоуина мог быть кто угодно: пациент, врач, применяющий творческие методы лечения, волонтер, пришедший развлечь больных. Тот, который спешил к ней, походил на настоящего живого клоуна из самого настоящего цирка. На носу красный шарик. На голове рыжий парик. Глаза заводные. Походка с подволакиванием обеих ног, которые путались в непомерно широких и длинных горошковых штанах на одной лямке.

Тина на всякий случай поздоровалась.

– Оу, оу, привет зрителям! Вас поместили в одиночную камеру? – весело затараторил циркач.

– Похоже на то, – бодро поддержала разговор учительница.

– И что же Вы натворили?

– Диктору с радио нагрубила.

– Грубить плохо. Надо веселить...

С этими словами он захлопнул дверь кабинета и двинулся дальше. В один прыжок мисс Ти оказалась рядом с дверью и стала её трясти, пытаясь открыть. Она нападала на неё сбоку, в фас и с разбегу. Бесполезно. Потом Тина вспомнила Шурика из «Кавказской пленницы», громко рассмеялась и стала думать. Это же не простая больница. И замки у них непростые:

– К нам – добро пожаловать! А вот наружу – это как доктор решит!

Доктора, между тем, не было. А желание выбраться из этой клетки росло с нездоровой скоростью.

На ум пришло маленькое происшествие, которое случилось с ней на днях. По пути на работу Тина ежедневно проезжала мимо новостройки. Рабочие возводили целый микрорайон из небольших частных домиков. Тина была поражена, как быстро они их строили. Каждые десять дней она насчитывала одним домом больше. Наконец любопытство стало нестерпимым, и Тина остановилась рядом с группой рабочих. Она решила спросить, как они умудряются строить так быстро. В чём секрет?

– Ну, во-первых, мы не закладываем фундамент. Дома стоят прямо на земле, – объяснил бригадир.

– Во-вторых, мы же возводим их из готовых конструкций. А конструкции эти очень лёгкие, практически из гипсокартона. Собрать из них дом – сущий пустяк.

Тут его позвали, а любопытная от природы Тина решила проверить информацию. Тихонько, стараясь быть незамеченной, она вошла внутрь и выбрала для опыта одну стенку. Размахнувшись левой ногой – для чистоты эксперимента она использовала более слабую ногу – она «вжახнула» подошвой туфли по этой перегородке. Туфля вместе с подошвой исчезли из виду. Они оказались по другую сторону стены, в которой зияла большая дыра. В панике, Тина нашла выход, рядом с которым не было строителей, махом вылетела из строения, мухой влетела в машину, газанула так рьяно, как до этого ей ни разу не удавалось, и натурально «смылась» с места происшествия.

Тина вспомнила всё это, глядя на зонтик. Потом встала со стула, крепко зажала его в руке, предварительно плотно сложив, и со всей силы ткнула им в противоположную от двери стену. Зонтик в её руке ополовинился в ту же секунду. Вторая его часть оказалась в соседней комнате.

Вытащив зонт назад, миссис Ти, быстро соображая, спрятала его в свою большую учительскую сумку и «вставила» глаз в дырку.

Она не поверила самой себе! Перед ней был тот же самый клоун. Он, казалось, репетировал сцену «клоун в зоопарке». Мужчина становился на четвереньки, полз непонятно к кому, строил этому «никому» разные страшные и смешные рожи, а потом резко отпрыгивал и залезал на кровать. Там он начинал отрываться по полной: танцевал, делал хип-хоп и хитрым голосом вопил:

– Вот тебе! Кукиш с маслом, а не моя голова! Вот тебе, волосатый!

Тут, повернувшись на одном прыжке к стене с дыркой, он увидел Тинин глаз. Клоун подскочил к стене и зашептал:

– Ты чей? – он явно обращался напрямую к глазу.

– Это мой глаз, – зашептала Тина в ответ.

– А как ты дырку в стене просверлил?

– А у меня волшебный зонт.

– Ты, что ли, фокусник?

– Да... А ещё дрессировщик... В школе...

При слове «дрессировщик» клоун буквально взвыл. Он кинулся к двери и стал звать на помощь. Санитар был в его палате через минуту. Клоун показывал на дырку, долдонил что-то про дрессированного фокусника и закрывал голову ладонями. Санитар успокаивал его, мягко и бережно обняв, а сам вызывал по мобильному доктора.

Скоро Тину открыли. На пороге стоял очень худой, с подвижным, но мягким лицом индеец. Кроткие, усталые, с розовыми от бессонницы прожилками глаза, смотрели на посетительницу с укором. Тина чувствовала себя вроде как виноватой, а, с другой стороны, вроде как потерпевшей.

– Вы кто? – мягко спросил доктор.

– Та, кого Вы просили приехать и помочь Вам.

– Так Вы миссис Ти?

– Ну да...

– А почему Вы в этой комнате для первичного приёма пациентов оказались? И как Вы дырку в стене проделали?

Чем спокойнее и профессиональнее он с ней разговаривал, тем больше Тину душил смех. В этот раз перед ней возникла бесподобная Наталья Крачковская из «Ивана Васильевича...», которая с блаженной улыбкой говорила:

– И тебя полечат. И меня полечат...

Тина присела на «нары» и зашлась в смехе. Умом она понимала, как это выглядит со стороны и что может подумать доктор, но поделаться с собой ничего не могла. Насмеявшись, учительница уверенным тоном сказала, что к дырке в стене никакого отношения не имеет. У них, видите ли, комната для приёма пациентов открыта всю ночь, а они ещё дыркам в стенах удивляются. Но клоун предательски «частил» и тыкал в её сторону пальцем.

– У неё волшебный зонт. Она фокусник... Она дрессировщик... В клетку её!

Тина с доктором вышли и направились к его кабинету.

– А кто этот клоун? – спросила учительница.

– Это очень хороший и всеми уважаемый человек. Он настоящий клоун. Больше двадцати лет в цирке отработал.

– А что же случилось?

– Да всё сомнение непомерное виновато, – тут доктор Хат *так* на неё глянул, что Тина опустила глаза.

– Возомнил себя «клоуном, зверей укрощающих», и решил льва рассмешить.

– Что?! Кого рассмешить?

– Льва. Циркового льва. Зашёл к нему в клетку сразу после ветеринара, поспорив с тем на сто долларов, что заставит льва скулить от радости, как младенца. Вернее, он заполз к нему. И стал рожи строить. Но недолго. Лев зарычал, поднял лапу, приподнялся и прыгнул ему на голову, обхватив обеими лапами. Что самое интересное, лев и не думал его на куски рвать или кусать. Он так по-своему, по-львиному, играть с ним стал. У львов ведь своё чувство юмора. Ветеринар, между тем, вопил на весь цирк и звал дрессировщика. Тот прибежал, освободил фокусника, а льва успокоил.

– И что было дальше?

– А дальше Вы и сами видели. Второй месяц у нас «отдыхает». Мы стараемся его таблетками особо не пичкать. Психотерапию применяем.

– Помогает?

– Да, понемножку помогает. Да вот только страховки медицинской у фокусника нет. А пребывание в больнице очень дорогое. Тут Тина вспомнила свой вариант плаката про «психоз при предъявлении счёта за лечение».

– И кто же за него платит?

– Пока «Ассоциация защиты дикой природы». Они считают, что фокусник показал всему миру пример гуманного, человеческого отношения к хищникам. А что дальше будет, мы не знаем.

Они дошли до кабинета доктора, который действительно оказалась направо от администратора, но в самом конце коридора. Там, издавая при каждом движении скулящие звуки, и источая, даже в неподвижном состоянии, едкий хлорно-туалетный запах, сидели Фанки и Призрак. Они, было, бросились к миссис Ти, но та отскочила. И так в камерке бедного врача дышать было нечем.

Доктор велел им помолчать и коротко рассказал, что случилось. Этих двоих к нему доставили полицейские пару часов назад. Из леса. Из старой заброшенной выгребной ямы, которой пользовались владельцы давно снесённого дома. Доктор увидел на шее у Фанки полосу от верёвки и решил, что перед ним типичный самоубийца. А таких положено класть на обследование. Призрак вообще ничего внятного не говорил, он никак не мог отойти от шока. А таких тоже положено задержать на пару дней в больнице. Но понять, что произошло, доктору так и не удалось. И он позвонил их классному руководителю. Русской учительнице миссис Ти.

Все присутствующие глубоко и печально вздохнули, доктор дал гостям по кружке ароматного кофе, и Тина начала «допрос с пристрастием». Минут через пятнадцать добрый «мозгоправ» смеялся не хуже её самой в кабинетике тюремного стандарта. Но это было только начало истории про вечеринку. Фанки приступил ко второй части. Про лес.

– Иду я, песни пою, и вдруг: хрясть, проваливаюсь в яму. Вонница стоит, хуже, чем в преисподней. Пытаюсь выбраться, но стены этим, ну, сами понимаете, чем покрыты... И ухватиться не за что. Всё скользкое и жидкое. Стал на помощь звать. Кричал на всю округу. Даже нечистую силу помянул. И тут – бац! На меня призрак с болотными «зеньками» падает. Я вообще кричать прекратил. У меня язык парализовало. Я давай призрака с себя стряхивать. А он ни в какую. Кричит:

– Фанки, я же тебя спасти пришёл! Нам надо держаться вместе! Возьми меня с собой!

Тут я чуть с катушек не слетел. Отпихнул его ногами так, что он согнулся. Потом ему на спину встал и вылез всё-таки.

Услышав такое, Призрак пришёл в себя и бросился на Фанки с кулаками. Доктор пригрозил обоим смиренными рубашками, и они затихли. Дальше говорил Призрак:

– Тут я вспомнил про сотовый телефон. Головой потряс, Очки Ужаса загорелись. Я набрал 911. Только вот адреса не знал, и когда дежурная в третий раз про адрес спросила я и сказал:

– Чёрный лес, выгребная яма. Чёрный лес, выгребная яма. Ну, полиция, и отключилась.

Тина с доктором не просто смеялись. Они смеялись взхлёб и до слёз.

Фанки с Призраком даже обиделись. Они надулись и замолчали. Пришлось им по второй кружке кофе наливать, чтобы задобрить. Рассказывал Фанки.

– Я побежал. Орал во всю глотку и бежал. Издалека заметил трассу. Побежал туда. Вдруг вижу, а мне навстречу мотоциклист в костюме полицейского мчится. На голове прибор ночного видения. Шлем, как у Шумахера. И голосит всюду:

– Есть кто живой?! Есть кто живой!? Откликнитесь!

Я ещё больше перепугался. В жизни такого не видел!

Доктор Хат извинился и вступил в разговор:

– Это и был полицейский. После звонка Призрака дежурный задумался.

Вспомнил о Хэллоуине и решил, на всякий случай, прочесать лес. Машина там пройти не может, поэтому отправили мобильного полицейского на мотоцикле. Но Фанки от него спрятались. Полицейский поехал дальше, освещая и осматривая каждый метр. И, наконец, обнаружил Призрака. Вытащил его, стал спрашивать, один ли он был или с товарищем. Тот только мычал и в сторону дачи пальцем тыкал. Поехали на дачу. Там девочки рассказали про Фанки. Вернулись в лес. И, наконец, нашли его под одной из ёлок. Он в иголки зарылся и спрятался. Вот тогда-то полицейский доставил их до трассы, а там уже их ожидала дежурная машина. И они – сразу к нам!

Миссис Ти упростила доктора отправить «героев» в душ, а их одежду отдать в больничную прачечную. Она заплатила ночной нянечке 20 долларов, и та, поворчав и крутя носом от отвращения, забрала бельё в стирку, предварительно выбросив в урну Очки Ужаса и наложив на себя католический крест.

Пока Фанки с Призраком пыхтели от удовольствия в больничном душе, учительница с доктором разговаривали о Лии. Тина просила его не давать ей сильных лекарств и, если получится, «назначить себя» её основным лечащим врачом. Доктор Хат нравился миссис Ти всё больше и больше. Он, действительно, был из Индии, из семьи потомственных врачей. Говорил он так мягко, так тщательно подбирал самые нужные для данного момента слова, что она безоговорочно ему поверила.

Доктор не стал будить Лию, но пообещал устроить большое, длинное свидание с ней для миссис Ти и её подруг послезавтра вечером. Прощаясь, доктор задумчиво погладил себя по лбу, по тому месту между бровями, где, по мнению йогов, находится «третий глаз», «ашна чакра», центр интуиции и внутреннего прозрения. Потом он сказал:

– Миссис Ти, можно попросить Вас принести мне некоторые письменные работы Лии и её подруг.

– По какому предмету?

– Насколько я понял из разговора с «сидельцами из Чёрного леса», Вы у них преподаёте социологию. А этот предмет изучает межличностные отношения: дружбу, любовь, групповое поведение и прочее.

– Да, всё так.

– Дети же, наверняка, пишут эссе на эти темы.

– Конечно, пишут.

– Я Вам буду очень благодарен, если Вы отберёте для меня такие работы, которые помогут мне понять характер, проблемы, взлёты и падения моей пациентки. Кстати, а это правда, что она, мексиканская католичка, дружит с мусульманкой, да ещё из Чечни, из России, и типичной белой американской протестанткой?

– Сущая правда. У них такой крепкий «тройственный союз», что их дружбе самые сильные и благородные мужчины могут позавидовать.

– А Вы сами верите в женскую дружбу?

– Да! Больше, чем в мужскую.

– Вы знаете, я тоже. У мужчин зачастую не поймёшь, где заканчивается соперничество и начинается дружба. Или наоборот? – улыбнулся он.

Они уже прощались, договорившись, что доктор вызовет такси для Фанки и Призрака, когда миссис Ти почувствовала укол совести. Прямо в сердце. Как будто там зияла та самая дырка от зонтика. Не без труда, краснея и смущаясь, она протянула доктору 200 долларов. Всё, что у неё было в кошельке.

– Вы меня простите, доктор Хат, но дырку в стене проделала, конечно, я. У Вас могут быть неприятности: ведь это случилось в Ваше дежурство. Может, этих денег хватит, чтобы заплатить завхозу и попросить залепить дыру прямо сейчас? Мне очень стыдно...

Тина насильно вложила деньги в изящную руку с тонкими, чуткими пальцами и выбежала на улицу. Похоже, день, наконец-то, действительно закончился.

Глава 5. Десять лет назад. Шесть глаз, три рояльных ноги и пожизненный приговор

«Я уныло тыркала одним пальцем по случайным клавишам рояля. Рояль стоял в школьной библиотеке, вернее, в уютном концертном зале, прячущимся за высокими книжными полками. Было скучно и одиноко.

– Давай дружить, – раздалось откуда-то слева и снизу.

Следом над благородной чернотой рояльной талии показались два таких же чёрных глаза. Глаза просто умоляли меня заговорить с ними.

– У тебя подружка в этой школе есть? – в этот раз к глазам присоединилась две овальные щёчки. Щёчки подрагивали в такт аккуратным кренделькам из двух тёмных блестящих косичек, закреплённых большими бантами над маленькими ушками. Всё в девочке готово было рассмеяться и расплакаться одновременно. Прошло несколько лет, прежде чем я поняла, что в этом и была главная особенность Лии: хранить улыбку и печаль в одном и том же месте.

– Меня зовут Ламентия. Но в Америке называют Лия, – голос девочки начинал опасно дрожать, и я поспешила ответить:

– У меня нет подруги в этой школе.

– Так ты хочешь со мной дружить? – почти на выдохе, шёпотом переспросила незнакомка. Глаза, щёчки и крендельки дрожали так испуганно, как дрожат лепестки Сакуры, дожидаясь первого порыв ветра, который унесёт их в неизвестность.

– Хочу! – глубоко и радостно вздохнула я. – Моя мама сейчас в школьном офисе. Записывает меня во второй класс.

Лия не успела ответить, потому что из-за нотного шкафа раздался какой-то шорох. Мы замерли. Лия застыла с открытым ртом и всё ещё улыбающимися глазами. Шкаф шевельнулся, закачался, передумал падать и стал смотреть на нас огромными серо-голубыми глазищами. Их свет исходил из щели между второй и третьей полками. Потом из-за шкафа показалась аккуратная головка, прикрытая кружевным мусульманским платком. Маленькая девочка в школьной форме тихонечко выползла из-за полок. Она отряхнула юбку, пригладила русую прядь волос, заползшую на правое ухо в виде вопросительного знака, и сказала:

– А меня к себе примите?

– Куда тебе принять? – спросила я, не совсем её понимая.

– В дружбу – смешно ответила девочка. – Меня зовут Саният. Моя мама тоже сейчас в офисе. И я тоже буду ходить во второй класс. Мы – из России только что приехали. Из Чечни.

– Конечно, примем! Только Чечню мы не знаем... Ну и ладно...

Мы подошли друг к другу и взялись за руки.

– А давайте составим Договор о Дружбе! – предложила я.

– Нет, лучше Приговор, – серьёзно и тихо возразила Саният.

– А что такое Приговор? – прошептала Лия.

– Это такое решение, которому все подчиняются. Я в книжке это слово прочитала... Там было про приговор злому шакалу. Я сначала ничего не поняла. Потом спросила у брата. Он мне всё и объяснил. Он английский язык очень хорошо знает, – уверенно просветила нас Саният.

Мы не стали спорить. «Приговор» звучало торжественно и твёрдо. И коротко: «Sentence». Нам слово понравилось. Мы решили, что Дружба – это наш Приговор, и поклялись его соблюдать.

– Винсия, ты где от меня прячешься? – донёсся голос моей мамы.

– Ты что, Ламентия, издеваешься над нами? – раздался звонкий, но режущий женский голос прямо из-за дверей библиотеки.

Мы с девочками быстро обнялись и поклялись, что будем ходить в один и тот же класс и никогда не будем ссориться из-за мальчишек.

В комнату уверенно шагнула яркая, кричаще красивая темноволосая женщина.

Она резко подошла к Лии, твёрдо и жёстко схватила дочку за руку и, не обратив ни капли внимания ни на нас с Саният, ни на мою маму, которая стояла в дверях, волоком потянула её за собой, говоря что-то очень громко и сердито. Говорила она на испанском языке.

Я даже не успела подбежать к своей маме, как их, то есть мам, оказалось на пороге две. Вторая, не моя мама, была высокой тёмно-русой красавицей с такими же серо-голубыми глазами, как у моей новой подружки. Саният бросилась к маме, но перед тем, как дать себя обнять протянутым рукам, успокоилась и затихла. Моя мама смотрела то на меня, то на них со своей всегда печальной доброй улыбкой. Я подбежала к ней, зарылась в подол её любимой ярко-синей юбки и показала головой на Саният:

– Мы теперь подруги.

Мама Саният, которая представилась нам как Лина, тепло улыбнулась и пригласила нас к себе домой. Она пошутила, что День Дружбы надо справлять так же, как День Свадьбы: разделяя радость и еду с хорошими людьми.

– Ну что, Винсия, примем приглашение? – нагнулась к моему уху мама.

– Да, да – запрыгали и закричали мы с Саният.

Так я впервые в жизни попала в мусульманский дом. Да не в простой, а в российский, вернее, чеченский. Семья Саният оказалась родом именно оттуда. С Северного Кавказа, из города Грозного, столицы Чеченской республики. Они не были иммигрантами. Отец Саният был уважаемым профессором в области «Сравнительного религиоведения» и его пригласили читать лекции в Университет Южной Калифорнии. Так они здесь и оказались. Все, кроме старшей сестры. Она была замужем и жила то в Москве, то в Чечне: её муж был бизнесменом, специалистом по выведению элитных пород скаковых лошадей.

Обо всём этом мы с мамой узнали, пока шли к припаркованной в самом дальнем углу стоянки машине миссис Лины. Наши мамы сидели спереди, а мы, кипя от почти лихорадочной радости, которую может подарить только первая, только настоящая школьная дружба, расположились сзади. Мы взялись за руки и начали шептаться, чисто по-детски сплетничать и делиться секретами. Говорили мы о Лии. Вернее, о её маме.

– Как может такая красивая тётя быть такой злой? – шептала мне в ухо Саният.

– Не знаю. Может, у неё жизнь такая злая?

– Моя мама говорит, что никогда нельзя ругать жизнь. Нам и так повезло, что мы живём.

А как мы живём, зависит от нас.

– Моя мама тоже так говорит. Она меня учит быть доброй, но уметь сказать «нет» недобрым и плохим людям.

– А кто твой папа?

– Военный. Он много воевал, не помню сейчас в каких странах. Где-то далеко...

– В Афганистане?

– Точно! А ты откуда знаешь?

– А у меня дома карта над кроватью висит. У меня есть брат, и после школы он хочет стать моряком. Так он всю карту наизусть знает. И меня учит.

– Мой папа с этих войн другим вернулся.

– Как это, другим?

– Холодным. Слишком строгим. И... И...

– Ну, говори, что «и...»

– Он как будто нас с мамой разлюбил.

Я заплакала. Тихо, заталкивая слёзы назад, вовнутрь, чтобы они не успевали скатываться. Тёплая ладошка обняла моё плечо, а русая головка ткнулась своим носиком в мой покраснев-

ший нос. Маленькие пальчики подобрали новые слёзы прямо на выходе, не дав им скатиться к дрожащим губам. Это был первый раз, когда Саният приняла в своё маленькое тёплое сердце часть моей большой боли.

Так я поняла, что дружба – это такое благословение, такой подарок судьбы, который нельзя сравнить ни с чем. Даже с первой любовью. С этого момента я знала, что дружба может лечить душу, а может в приступе ревности накинуться на неё, как хищница. Дружба может просто разрывать сердце своей открытостью и слишком откровенными признаниями. Но она же умеет так сладко растопить все льдинки в душе в момент примирения. Дружба одаряет нас таким уровнем доверия, обмена мыслями, такими смелыми мечтами, что электризует мозг и возбуждает воображение. Она учит сердце прощать... И ещё я верю, что дружба – это дар... Как любовь... Хотя, может быть, я ошибаюсь.

Тем временем, мы доехали до дома Саният и вышли из машины. Мы немного оторопели, увидев, что нас встречают трое симпатичных мужчин. Это были папа и два старших брата Саният. Вскоре они удалились, и миссис Лина предложила нам пройти в женскую половину дома. Само здание было типичным американским домом: вытянутым в длину, с двумя входами, встроенным гаражом и лужайкой с цветами перед крыльцом.

Но вот задний дворик выглядел по-другому: это был небольшой, аккуратный огород.

– И что же вы здесь выращиваете? – спросила моя мама.

– Зелень, много разной зелени. Помидоры, огурцы. Свою, настоящую, ароматную клубнику. Чеснок, капусту, черемшу.

– Что, что?! – спросила мама, округлив глаза.

– Че-рем-шу. Это дикий чеснок. Сейчас попробуете, – рассмеялась Лина.

Мы вошли в большую комнату. Я встала как вкопанная. Я не могла понять, как в таком небольшом доме может быть такая огромная и просторная комната.

– Винсия, что это ты вдруг замолкла? А с глазами что? Они у тебя, как у неваляшки, выкатились и застыли? – спросила мама Саният.

И тут до меня дошло: комната была обычной, но необычным было почти полное отсутствие мебели и бумажного хлама. В наших американских домах бумаг, файлов, папок будет скоро больше, чем людей. Американцы хранят каждый чек из кофейни. Каждый билет на поезд или самолёт. Все свои налоговые отчёты. Переписку с магазинами, докторами, работодателями и всякого рода бюрократами: депутатами, чиновниками из муниципалитетов и т. п. и т. д. Так мне объясняли родители...

В этой комнате был диванчик, что-то наподобие старинного инкрустированного сундучка, толстый ковёр на полу и небольшой столик с низкими табуретками вокруг него. Ни телевизора, ни огромного музыкального центра, ни громоздких шкафов и кушеток. Открытое для общения, душевного разговора и долгого чаепития пространство. Мне здесь понравилось сразу и навсегда.

Наши мамы ушли на кухню, но очень скоро вернулись с блюдами, тарелками, ложками-вилками и большой, ручной работы скатертью.

– Мы вас накормим жижиг-галнашем, салатом из свежей и жареной черемши и нашими лепёшками.

– А как они называются? – спросила моя мама.

– Боюсь, вы и не выговорите: хингалш.

– А что внутри этих лепёшек?

– У меня сегодня они с творогом. Домашним творогом. У вас в Америке ни творога, ни сметаны купить невозможно.

– Да что Вы? Сметаны полно любой...

– Это вы считаете то, что вам продают, сметаной. Те, кто из России приехал, чувствуют огромную разницу между настоящей сметаной и тем, что называется сметаной здесь. Так что мы покупаем настоящее молоко у фермера...

– Вы пьёте настоящее, жирное коровье молоко?! – почти с ужасом спросила мама, прервав Лину.

– Конечно! Молоко должно быть от коровы, а не «от пакетика» с сухим порошком. И оно должно быть жирным, чтобы из него сделать творог и сливки.

На столе, между тем, появилось огромное блюдо с мясом и какими-то белыми колобками вокруг. О, господи, как оно пахло: лугом, промытым дождём и согретым солнцем. Лесной завалинкой в тучный осенний день. Жменькой хрустально чистой воды, набранной в жаркий день из холодного родника. Жарким мексиканским перцем и изысканно тонкими восточными приправами. Альпийскими лугами, источающими мягкий, ни с чем несравнимый, сухой аромат прогретых до последнего лепестка и зёрнышка трав и цветов. Скошенной травой и деревенской проталинкой...

Белые колобки вокруг мяса оказались «галушками». Рядом с мясом появилась супница с бульоном. А к бульону Лина принесла свои творожные лепёшки – хингалш.

Я в жизни так вкусно не ела! Даже мама, которая с опаской подносила первую лепёшку ко рту, заохала и «замнямила», едва откусив первый кусок. Наши причмокивания, сладостные «Аааа...», полноротые «Ммммм...» были лучшими комплиментами хозяйке.

Лина не позволила маме помочь убрать со стола. Ловко, красиво и бесшумно они упились с пустыми блюдами вдвоём с Санянт. А потом мы пили «долгий» чай и разговаривали.

– Лина, Вы самая настоящая чеченка? – спросила мама и покраснела.

– Конечно, чистокровная чеченка. А вы, американцы, какими нас, чеченок, представляли? – с улыбкой поддержала разговор Лина.

– Тёмными... Темнокожими, черноволосыми, черноглазыми.

– В общем, сплошная темнота и забитость, – рассмеялась Лина.

– Да нет, что Вы. Не совсем так. Но... по большому счёту... правда в Ваших словах есть, – моя мама смущалась и заикалась всё больше. – Мы только и слышим, как угнетают всех мусульманок. Как девочкам и девушкам запрещают учиться. Как насильно замуж отдают... В бурки закутывают.

– Что же тут возразить? Всего этого в мусульманских странах, да и в мусульманских семьях, хватает. Но мою семью Аллах миловал... Мы, российские чеченки, стараемся одеваться красиво, но скромно и опрятно. Очень любим узкие длинные юбки, как на мне сейчас. Я сейчас пройду, а вы оцените: женственно я выгляжу или нет?

Лина встала и маленькими, соблазнительными шажками, держа спину так прямо, что казалась выше ростом, прошла по комнате. Плыла плавно, очень женственно, ни на секунду не забывая о гордой посадке головы. Это был почти танец...

Потом Лина присела и сказала фразу, которая осталась со мной на всю жизнь:

– Женщины могут полуобнажиться, в знак феминистского протеста, например. Или даже оголиться. Мы всё чаще такое видим... Вот только... Только ни одну из них это свободной и счастливой не сделало! Я, кстати, врач. Кардиолог, – продолжила Лина. – В России в санатории работала.

Тут она пристально взглянула на мою маму. Та вздрогнула.

– Я бы хотела Вас осмотреть, – сказала Лина и опустила глаза.

Мама молча кивнула, и они вышли в соседнюю комнату.

Когда они вернулись, обе были бледными и расстроенными. Мы с мамой поспешили домой.

Из эссе «О дружбе» ученицы 12 класса Винсии В.

P.S. Миссис Ти! Я пишу так много и подробно, потому что готовлю к публикации статью о женской дружбе. Может быть, позже даже книгу напишу. Вернее, напишем... Вместе с Лией. Это она меня вдохновила. А Саният будет нашим критиком и консультантом. Мы договорились писать нескучно, честно и интересно. Буду благодарна за исправление ошибок.

Глава 6. Любовь, война и прицел в сердце

Когда миссис Ти открыла дверь в кабинет истории на следующий день, она тешилась лукавой надеждой, что после её «блистательного» актёрского дебюта перед картой мира на прошлом уроке, одиннадцатый класс встретит её по-человечески.

Как бы ни так! Обе принцессы смотрели куда-то в пустоту и с вызовом переговаривались на своём корявом языке.

Люк Скайуокер решил, видимо, придерживаться «тёмной стороны» своего папаши Энакина и мрачно, почти злобно ругался на тарабарщине с Дарт Вейдером. Причём, и принцессы и прочие «войнозвёздовцы» употребляли одни и те же слова. Снова и снова. Как у них самих уши не вяли, миссис Ти не представляла.

Мальчик с бархатными глазами говорил на каком-то, похожим на индийский (огни, анахата, шушасана – доносилось до учительницы), языке с девушкой за соседней партой. И только многодетная чернокожая красавица со смешливыми, ироничными глазами пыталась докричаться на чистом английском до девочки, которая почти лежала на последней парте. Девочка была чем-то на неё похожа: такие же деликатные и правильные черты лица и печально-ироничный взгляд не детских глаз.

Тина не очень представляла, что ей делать. Но знала точно, чего делать было нельзя. Она даже чувствовала, что и миссис Вия, директриса, очень бы не хотела, чтобы она это делала: обращать хоть толику своего учительского внимания на шутовскую группу в костюмах и заигрывать с ними.

Тина поздоровалась и написала тему урока: «Послевоенный мир: опять война? История в лицах: Судан».

– Как Вас зовут? – обратилась учительница к девушке на первой парте.

– Сиша

– Вы давно живёте в США?

– Два года.

– Вы сказали, что родились, жили, а потом бежали из Судана. Так?

– Да.

Миссис Ти повесила на стену большую карту мира, показала, где находится Судан и коротко о нём рассказала. Потом дала слово Сише.

– Прочного мира в Судане мы никогда не знали. Потому что в стране живут самые разные племена, и каждое считает себя главным.

– А на каком языке люди говорят?

– На разных. Одни на Динка. Другие на Нуаре. А я с детства ещё на английском и арабском говорила.

– Ты, наверное, была из очень богатой семьи. Иначе, как бы ты три языка выучила?

– Мой папа был известным политиком в нашей округе. Он закончил два университета. А мама медсестрой. Папа был христианином, а мама – мусульманкой, родом из Египта. Это она меня арабскому языку научила.

– А что же с твоей семьёй потом случилось? – спросила одна из принцесс.

– Началась гражданская война. Папу забрали в Армию. Потом разорили наш дом. И мы ушли на Юг, к папиному брату.

– А сколько вас было?

– Трое. Мама, моя сестра и я.

– Тебе сколько лет было?

– Мне – двенадцать, сестре – восемнадцать.

– Дядю-то хоть нашли?

– Да. И он нас принял, как родных. Через неделю мама взяла нас за руки, и мы пошли к дороге, по которой пришли в город. Она остановилась, обняла нас и сказала:

– Больше вас я люблю только вашего отца. А он в беде. Я должна быть с ним. О вас позаботятся. А отец совсем один.

Она так плакала, когда всё это говорила, что мы и слов-то разобрать не могли. И она ушла. Больше мы её не видели.

– Вам нормально жилось у дяди?

– Хорошо жилось. И всего хватало. Но через три месяца война и в его дом пришла. И нам опять пришлось бежать. Мы шли днём, а ночью прятались в кустах. Питались фруктами, ягодами, съедобными растениями. Однажды нас разбудили громкие крики на арабском. Это были правительственные солдаты. Они забрали нас в казарму. Меня поставили чистить туалеты, мыть обувь и собирать хворост для костров. А сестру отдали в жёны командиру.

– Вас хоть кормили?

– Очень мало. А наказывали каждый день. И мы вновь решили бежать. На Север. Там Красный крест лагеря организовывал. Сестра была беременная, и я отдавала ей свою воду и фрукты, которые мы изредка находили.

– Сколько же вы шли?

– Где-то месяц. Наконец, мы увидели палатки и людей. Идти мы уже не могли. Мы поранили ноги, подхватили инфекцию, и ноги распухли. Стали толщиной с наши туловища. Так что к лагерю мы не подошли, а подкатились: мы легли на бок и катились по земле, помогая себе руками. Вскоре нас подобрала. Это оказался военный лагерь. Хуже первого... Особенно заместитель командира. Он решил взять меня в жёны. Ждал, когда поправлюсь.

В классе стояла нереально уважительная тишина. Тина вдруг поймала себя на том, что непрощенные мысли наползали одна на другую и переплетались в отвратительный рептильный клубок. В голове мелькали испуганные, не по-детски серьёзные лица детей из семей беженцев, которые наводнили Россию после распада СССР. И неважно, от каких войн они спасались и откуда приезжали. Обида за то, что взрослые люди, которых полагалось чтить и слушаться... Все те старшие и уважаемые, которые внушали детям, что только они знают, как надо правильно жить и обходиться с другими, обошлись с ними так безжалостно и несправедливо. Эта обида кричала глазами всех цветов и разрезов из убогих, дурно пахнущих общежитий и вновь ставших коммунальными квартир. Она замораживала своим безразличием к собственной жизни, когда встречался с ней на улицах, куда хлынул поток молодых тел, которым нечего было продавать, кроме своей юности.

Внезапно мысли учительницы резко изменили направление и устремились в скучную маленькую палату Коррекционного Центра. Там, в полном одиночестве, её самая яркая, талантливая ученица Лия пыталась обрести душевный покой и веру в то, что жизнь прекрасна. Как красиво звучит... И как фальшиво... Да...

Тина грубо оборвала мысль и спросила черноокую Сишу:

– И что же вы сделали? Когда поняли, что в этом лагере хуже, чем в предыдущем?

– Возле лагеря была деревня, а в ней жил лекарь. Звали его Амос. Я до него кое-как добралась и уговорила взять нас к себе. Вот к нему однажды ночью мы и сбежали.

– И стали жить у него?

– Да. Он и, правда, вылечил нас своими мазями и настойками. Амос же и роды у сестры принял. Родился мальчик. А меня Амос взял в рабыни. Даже бумагу какую-то у сельского старосты оформил. Пришёл от него и сказал: «Теперь ты – моя вещь. По закону». Я его за это стала ненавидеть! А тут ещё Амос начал возмущаться тем, что младенец слишком голосистый. Он даже сестру пару раз избил: дескать, младенец спать ему не даёт. Когда ребёнку было месяца три, в дом лекаря нагрянули солдаты. Первым в хижину ворвался заместитель коман-

дира отряда. Ни слова не говоря, он взвёл курок своего пистолета и прицелился в моё сердце. Так мне казалось... Что прямо в сердце.

– Он успел выстрелить?

– А где была сестра?

– А ты хоть на пол упала?

Резкий, режущий уши звук заставил всех вздрогнуть. Но это был всего-навсего школьный звонок.

Всё, – сказала Тина. – Урок окончен. Мы очень благодарны Сише за то, с каким мужеством она делится с нами своей историей. Мы дослушаем её на следующем уроке. И... Спасибо всем.

Выходя из класса, она заметила, что штурмовики что-то яростно обсуждают, а Дарт Вейдер снимает свой плащ, капюшон и маску, закрывавшую глаза. Тина вышла в коридор, вздохнула и решила, что следующий урок даст нужные подсказки, что делать с этим паноптикумом дальше. И успокоилась. Но лишь на минуту. Потом в сердце что-то провернулось, и оно заболело. Она ничего не могла поделать: орган, который по мнению всех американских специалистов служит лишь насосом для перекачки крови, наполнялся нехорошим предчувствием беды.

Глава 7. Вечер того же дня. Слёзы Клоуна и Кровавый зонт

Клоуну не спалось. Да он и не пытался. В таких случаях он с радостью выполнял инструкции доктора Хата. А она была предельно ясной:

– Если спать не хочется, то заставлять себя не надо. Надо заняться чем-нибудь таким, от чего устанет либо тело, либо глаза. Тогда и сон подберётся ласково и незаметно.

Клоун решил сделать привычный обход больницы. Ему это разрешалось. Больше всего ему хотелось навестить новую пациентку. Девушку с большими карими глазами, за привычной печалью которых зачастую хитро пряталась насквозь бесхитростная, детская улыбка. Совсем, как у них, клоунов. Или наоборот? Да... Наоборот! У клоунов за ребячьей улыбкой привычно прячется влажная паутина печали...

Клоун вспомнил свой любимый номер.

Он выглядывает из-за тяжёлых штор закулис и видит на манеже прелестное создание: юная барышня в пышной, похожей на розовый пион юбочке и такой же шляпке, кого-то ожидает.

– Вы ждёте меня? – громко кричит клоун. И тут же в смущении прячется за штору.

– Может быть и Вас, – ангельским голосом отвечает девушка.

Клоун выбегает на манеж, неся в руках зонтик и букет цветов. Но в этот момент арена заполняется рабочими. Они скатывают ковёр и прогоняют девушку с её места. Рабочие манежа строят ей глазки, отпихивают клоуна и, наконец, один грубо взваливает несчастного клоуна на плечи и уносит прочь. Чтобы не путался под ногами.

Клоун ждёт следующего перерыва и, видя девушку, решительно направляется к ней... Откуда-то сверху вдруг льётся вода, и клоун бурно радуется. Ведь он может защитить очаровательную незнакомку от дождя! У него с собой яркий, разрисованный шариками и колечками зонтик. Клоун бодро его открывает и, напевая что-то романтическое, приближается к девушке.

– Ах! – говорит та и идёт ему навстречу.

В этот момент на манеж выскакивает лошадь, и начинается номер, известный как цирковой вольтиж. Всадник, проделывающий эффектные трюки, немедленно завоёвывает внимание девушки, и, видя, что клоун пытается к ней подойти, наклоняется, подхватывает несчастного влюблённого обеими руками и бросает поперёк крупа лошади. Тот некрасиво и беспомощно болтается, девушка смеётся, показывает на него пальцем и посылает воздушные поцелуи bravому наезднику. Наконец, всадник бросает клоуна в публику, где сидят «подсадные» зрители. Те умело принимают невезучего шута в свои руки.

Девушка ловко вскакивает на скачущую лошадь. Гордый собой вольтижировщик описывает победный круг по манежу и скрывается с «добычей» через услужливо распахнутые шторы артистического выхода.

Клоун, роняя огромные слёзы, горюет так сильно, что у него нет сил перелезть через манежный барьер, и он идёт прямо по нему... Его зонтик уныло висит в руке... Остриём вниз.

И вдруг! Откуда-то подбегает ребёнок и кладёт в зонтик конфету. Тут же начинают подниматься со своих мест другие зрители и несут плачущему клоуну кто яблоко, кто шарик, кто сувенир на память. Клоун сквозь слёзы виновато улыбается. Сгибается в благодарных поклонах... И под шквал аплодисментов, с помощью зрителей, настоящих, не подсадных, одолевает барьер и покидает манеж.

Клоун вздохнул и почесал рыжим париком лысую голову. Ему хотелось, чтобы у новой девочки был такой же волшебный зонтик. А он положил бы в него золотистый, пахнущий жарким

солнцем апельсин. Этот фрукт источал такой счастливый и непокорный аромат, что мигом разрушал больничную унылость.

Клоун вдруг замер и прислушался. Стерильную тишину Центра нарушил какой-то звук. Что-то ехало. Или ползло. Что само по себе было странным. В двенадцать часов ночи в таком заведении, как это, где большинство пациентов вынужденно пребывали в глубоком, липком, как, запутавшаяся в волосах жвачка сне, подобного быть просто не могло. Потому что в следующую секунду Клоун узнал этот звук. На второй этаж с хрипами и ворчанием заползал старый лифт. Тот самый, на дверце которого висела табличка: «Не пользоваться! Опасно для жизни!»

Двумя прыжками Клоун пересёк вестибюль и оказался у шахты старого подъёмника. Так и есть! Кто-то в одежде католического священника, с зонтом в руке, неприязненно смотрел на замершего у решётки шахты Клоуна.

– Ты кто? – тихо спросил тот, не дожидаясь остановки кабины.

Незнакомец молчал и пытался спрятать зонт. Он шустро убрал его за спину. Кончик зонта жалобно царапнул о металлическую стену, и неожиданный гость быстро выдернул руку из-за спины и суматошно стал подпихивать длинный старомодный зонт под то, что выглядело полами сутаны.

– Пытаешься выглядеть больничным шутком? – неестественно мягко спросил ночной визитёр.

– Допустим... А ты стараешься выдать себя за священника?

– А я и есть священник. Смиранный слугитель церкви.

– Это ты-то?! Священник?! У меня сейчас нос отвалится от твоего гнусного запаха! Ты пахнешь дьявольским зловонием распутства...

Незнакомец вздрогнул всем телом, попытался взглянуть на клоуна, но не смог. Чёрные зрачки пустились в бесовскую пляску панического ужаса.

– Что за ужасные вещи ты говоришь, сын мой? – голос полночного гостя дрожал и звучал с фальшивой, тонко продуманной приторностью. – Я пришёл, чтобы осенить благодатью отца нашего небесного одну заблудшую душу... Я смиренно выполняю свою миссию...

– И кто же тебя на неё благословил? Кто стопы направил в наши унылые стены?

Клоун напялил на лицо глупейшую улыбку, от чего его красный рот подпрыгнул к носу и хищно растянулся к ушам, и сделал шаг навстречу чёрной сутане. Посетитель поспешно отскочил назад. От клоуна не укрылся быстрый жест незнакомца: тот порывисто сжал ручку зонта, который он спрятал под сутану. Движение было настолько безотчётным, что отдавало смертельным страхом быть пойманным и разоблачённым.

– Ты принёс заблудшей душе волшебный зонт? Для ловли солнечных брызг?

Лицо над чёрным католическим воротником напряглось, силясь сменить выражение угрюмого страха на благодушные трепетной души.

– Зонт мой. Я ловлю в него слишком горделивые души. Тут главное – не промахнуться. Гордыня ум грешника так далеко возносит, такой жаркой кровью сердце наполняет, что он уже и любить никого не может. И прощать у него не получается. А простить и с обидчиком примириться – это же главная христианская добродетель. Я тебе больше скажу, сын мой...

– Нет, не скажешь! – клоун сделал ещё один шаг к говорящему, и тот в испуге отскочил, упершись спиной в дверь лифта. – Ты сейчас мудрствовал... Как по писанному говорил. Что твой дьявол... Тот всегда говорит заумно. Витиевато... Потому что у самого ум тонкий и острый, как нож брандирея. Всякую щетину непокорности под корень режет, а потом обритого под свою опеку берёт. Куда легче смиренными душами править! Вам, слугителям церкви, это хорошо известно!

Сутана задрожала всеми складками. Незванный посетитель ослабил хватку, и зонт стал выползать наружу.

– Откуда у тебя такие злые мысли, шут?

– Оттуда... Из католического интерната, куда меня мамаша в девять лет сдала.

Чёрная фигура как будто посерела. Мертвенно бледное лицо превратилась в карнавальную маску страха.

– А в каком интернате ты пребывал? – холодные губы священника с трудом подчинялись рту. Незнакомец слова не выговаривал, а с натугой выталкивал из пересохшего горла.

– А тебе какое дело? Ты-то чего так испугался! Того и гляди, от страха лужу под себя надуешь! Небось, вспомнил все свои грешки? Как мальчишек невинных гаденьким взглядом облизывал? Да на беседы о прощении в свой кабинет зазывал? Вас хлебом не корми... Дай волю, так научите любое зло прощать... Да ещё каяться... Не обидчика, нет! А того, кому кротости не хватило обиду и боль с покорностью принять. Я и сам...

Громкий звук удара прервал Клоуна. Он удивлённо огляделся. Незнакомца не было. А прямо перед ним лежал большой зонт. Со странно заточенной металлической макушкой над ярко-красным полотнищем купола.

В следующую секунду Клоун вспомнил недобрую дрессировщицу из школы, которая пыталась проникнуть к нему в палату при помощи почти такого же зонта. В тот раз он вовремя заметил зонтичную макушку в стене и вызвал врача.

Сейчас же он с ужасом и страхом смотрел на кроваво-красное пятно на полу и не понимал, куда исчезла чёрная фигура его владельца...

Снизу донёсся ржавый скрип открывающейся двери лифта. Затем звук убегающих ног.

– Доктор! На помощь! Ловите дьявола!

Клоун кричал, плакал, с отвращением пинал ногами зонт. В таком состоянии и застали его санитары и прибывший вслед за ними доктор Хат. Врач заглянул в испуганную, но ясную голубизну глаз пациента и твёрдо его обнял.

– Мы сейчас спрячемся от дьявола в секретной комнате, и Вы мне всё расскажете. А кричать не надо. Всех больных разбудим.

Как бы в ответ на его слова больничный коридор отозвался глухим топотом чьих-то быстрых ног.

– Что случилось? Клоуну плохо?

К ним подбегала Лия. Чёрные глаза смотрели на группу не со страхом, а сочувствием и нескрываемым, почти детским любопытством.

– Он приходил за ней! Я знаю! За ней!

Клоун тыкал пальцем в сторону девушки и испуганно повторял:

– Я знаю, знаю! И зонт у него злой! Кровавый! На нас зонты сейчас охотятся...

Клоуна увели. Лия смотрела на распластанный кроваво-красный кусок материи, ощерившейся спицами и слишком длинным наконечником причудливой формы.

– Я где-то видела точно такой зонт! – тихо сказала она и задумалась.

– Конечно, видела!

Медсестра мягко взяла её под руку и попыталась увести в палату.

– Таких зонтов в любом супермаркете пруд пруди... Пойдём, Лия. Тебе нужен покой.

– Нет! Именно таких зонтов мало. Я хочу посмотреть, что за буквы написаны на его ручке. Пожалуйста! Ну, пожалуйста! Давайте посмотрим...

– Ладно, давай глянем.

Медсестра подняла зонт, не забыв привычным жестом натянуть на руку резиновую перчатку. Затем присмотрелась к деревянной, в форме хоккейной клюшки, массивной ручке.

– Какие-то буквы... Дер. А дальше, похоже, год:1993.

– Так ведь это год моего рождения! И зонт я этот где-то точно видела...

– Пойдём, пойдём, дорогая. Вот ляжешь в свою кровать, успокоишься... Может, и вспомнишь что-то.

Лия дала себя увести, но спать и не думала. Она закрыла глаза и попыталась вспомнить то мгновение своей недолгой печальной жизни, когда глаз удивился яркой, как расплавленная капля полуденного солнца, ткани. К утру она точно знала, откуда взялся этот необычный предмет.

Глава 8. Излечение от «невинных забав» и Институт Всемирного Прощения

Брат Лии пребывал в ярости. Его душила злоба.

– Как ты мог уйти! Сбежать, как крыса! Да ещё и зонтик оставить? Тебе надоел твой маленький приход?

– Он меня узнал! Узнал и стал издеваться! Припоминать мою невинную любовь к воспитанникам...

– Это кто тебе сказал, что твоя любовь была невинной? Сам себя убедил? Или доктор в Институте Жизни во всю эту чушь заставил поверить?

– Но ведь «Нет ничего невозможного для того, кто живёт с богом в душе!» Значит, и излечение моё от слишком сильной любви к подопечным душам возможно... Возможно, произошло...

– Так какого чёрта ты так перепугался? Если весь из себя «излеченный» и праведный?

– В Институте Всемирного Прощения нас предупреждали об опасностях...

– Это что ещё за богадельня? Похлеще «Института Жизни» звучит.

– Они вместе грешными душами и заблудшими умами занимаются. И нам в Институте Всемирного Прощения говорили, что для таких, как мы, самыми страшными врагами являются те, кто в добро прощения не верит. А этот клоун как раз и завопил... Дескать, церковникам выгодно непокорных к рукам прибирать и учить жертв своих злодеев прощать. И про любовь наставников к юным отрокам с такой злобой говорил... Как будто меня узнал!

– Да не мог он тебя узнать! Пока ты здесь, в Южной Калифорнии, в интернате Святого Патрика проказничал, Клоун на восточном побережье с передвижным цирком выступал. В самом Нью Йорке про этого лысого пятнадцатилетнего шута газеты писали.

– А он что, лысый от рождения?!

– Ну да... Его мамаша, по прозвищу Свистулька, которая в дешёвых мюзиклах ногами перед публикой трясла, стеснялась своего яйцеголового сынка больше, чем целлюлита на толстых ляжках...

Молодой человек закинул свою красивую голову с волчьими, тесно посаженными злыми глазами назад и утробно расхохотался. От его рокошующего смеха клирику и вовсе поплохело. Он боялся этого взявшегося из ниоткуда красавчика больше, чем всех бессердечных психиатров и приторно вежливых психоаналитиков, которые долгие три года окружали его в Институте Жизни, пытаясь «убить в нём любовь». Именно так он назвал для себя курс лечения, на которое его принудительно направил Бишоп Сан Диего. Поводом к заключению в этом стерильно безжизненном «Институте Жизни» была его бесхитростная, сродни детской, любовь к учащимся. Особенно к кучерявым, востроглазым, с пухлыми ротиками и по-детски сдобными щёчками. Почему-то его вполне невинные игры с подопечными в личном офисе, – а был он деканом и имел право на свой кабинет – не понравились нескольким родителям. И они затеяли шумиху, которая, впрочем, не имела ни малейшего шанса выйти за пределы школы: позора и скандала не хотела ни одна из сторон.

– Чего ты рассиропился? Даже глаза умаслились... Об интернатских забавах вспоминать? Тебе сейчас о том, чтобы живым из этой переделки выйти, думать надо. Весь план провалил. Наш хозяин, который на благотворительность не скупится и за то глубоко уважаем Бишопом, тебя из полного дерьма вытащил. Ты хоть соображаешь, какие деньги отвалил твой начальник за твоё «лечение»?

Человечек в сутане скромно опустил глаза долу и виновато молчал.

– Тебя о пустяковой услуге попросили! Уколоть зонтиком, как бы невзначай, мою одолеваемую демонами сестру. А в случае опасности смиренно молитвы над ней почитать. Душу потерянную из ада заблуждений, якобы, попытаться вызволить...

– Откуда ты слова такие знаешь? Говоришь, как будто сам в семинарии духовной учился.

– У меня учителя покруче и поталантливей будут. В нашем деле войти в доверие и заставить человека уверовать в тебя, а ещё лучше, тебя полюбить и за тобой на край света отправиться, – это главное умение. И никаких нынче модных компетенций не требуется! Связи, деньги и талант оглупить и очаровать любого... Вернее, любую. На этом весь наш бизнес держится.

– А сестра чем тебе помешала?

– Говорю же! Демоны в неё вселились! Когда женщина спорит и в тайны мужского бизнеса своим коротким женским умом влезть пытается, – это одержимая бесами ведьма, а не смиренная католичка! Разве не так?

– Так-то оно так... Да вот не опасно ли покушаться на жизнь молодой, крепкой девушки в стенах больницы? Ведь никто не поверит, что она вдруг ни с того ни с сего взяла и померла.

– А кто тут про смерть говорит? Кончик зонта был ртутью напигован... А зонтик-то, между прочим, её отцом был подарен. Да не кому-нибудь, а бабушке, которая в сестрицу слишком много норова заселила своими рассказами. Так что, если что, – весь спрос с них!

– Так ведь отравить её должен был я, а не бабуля! Прямо в палате. Сам мне говорил, чтобы себя случайно этим зонтом не ткнул.

– Как ты дело выполнил, так лучше бы себя и ткнул! А через пару недель назад, в любимый Институт Жизни попал бы. Только уже с другим диагнозом.

Хозяин зловещего, обставленного в тяжёлых свинцовых красках офиса, опрокинулся назад всем туловищем и рассмеялся с угрюмой, нескрываемой враждебностью.

– Ртуть – хитрая баба! Перво-наперво, она вызывает нервное расстройство. А сестрица с похожим диагнозом в этот центр как раз и попала. Так что, если бы у неё вдруг слабость, головокружения и галлюцинации начались, никто бы и не удивился. А там бы и слюна начала изо рта вытекать, диарея, одышка и сильный кашель на нервной почве мучить. И пары недель не прошло бы, как наша «правдолюбка» впала бы в такую депрессию, из которой не выходят. Пальчики бы начали дрожать... Головка дёргаться... Всякая уверенность в себе, которой у неё слишком много для доброй, безропотной католички, бесследно в ртутных парах растворилась бы.

– А дальше?

– А дальше, даже в случае лечения, её бы с сильным эмоциональным и умственным расстройством перевели совсем в другую клинику. В одну из тех, из которых не выходят. Мы с нашими друзьями об этом уже побеспокоились. Да вот ты все планы нам попутал.

– И что теперь со мной будет?

– Сегодня вечером отправляешься в Мексику.

– Но я по-испански ни гу-гу...

– Значит, выучишься и загугукаешь! Выбора у тебя нет.

– И что я буду там делать? Мне хороший приход дадут?

– Шикарный! Большой, зелёный, чистый... Вся сельва будет твоя!

Посетитель не верил своим ушам. Опадая и духом, и щуплым телом, он вдруг вернул себе пасторский голос и закричал:

– Но кого я там буду наставлять на путь истинный? И откуда в сельве доход от прихода?!

– Наставлять ты будешь молодых барышень. Тех, кого мы в дело берём, светлое будущее обещаем. Потом вывозим их в это самое будущее и... Остальное не твоего ума дело...

– Так в каких наставлениях их души нуждаются?

– В наставлениях христианского смирения, безропотности, кроткого нрава, подчиняющегося мужчине, и радостной покорности обстоятельствам. Одним словом, — послушанию...

– Ну... Это мы умеем! А деньги от кого получать буду?

– Ты задаёшь опасные вопросы! Ты их просто будешь получать. И денег будет много. Разговор окончен. Наш водитель ждёт тебя у входа. Испанским можешь прямо с ним начать заниматься. Он по-английски и слова не знает. Так безопаснее. Всё. И не забывай! Девки должны подчиняться нам, их хозяевам, с радостью! Без бунта в душе.

Священник коротко кивнул и поспешил убраться из пахнущего грозowymi тучами кабинета. На пороге он внезапно остановился:

– А полиция мной не будет интересоваться? После случая в больнице?

– Будь спокоен. Ваши «священные» грехи в руках вашей же братии. А те будут помалкивать. В этом я уверен.

Глава 9. Любовь, капризы и демоны

Социология была последним уроком в двенадцатом классе. В том самом, где миссис Ти была «наставником». Несмотря на тяжёлые предчувствия и тесноту в сердце, Тина начала урок с большой улыбкой на лице. И прошёл он быстро, легко и весело. Ребята разговаривали о счастье. Но так как день был не совсем обычный – у старосты Джесса был День рождения – то разговор получился несерьёзным и шутивым.

– Итак... Что вам нужно для счастья?

Поднялся лес рук.

– Крутая машина!

– Стипендия в хорошем колледже! В том, который выберу.

– Прикольная подружка!

К этому времени Тина уже поняла американскую систему поступления в Вузы. Ежемесячные результаты тестов учащихся старших классов отсылаются во все высшие учебные заведения. Так что к двенадцатому классу выпускники получают приглашения из тех университетов, которым они «приглянулись». Иногда взаимной любви не случается. Студент хочет в один колледж, но там ему не предлагают ни стипендии, ни работы, чтобы оплачивать образование. Обещают только дешёвый кредит, который он или она будут выплачивать двадцать пять – тридцати лет, за которые многое может случиться. В том числе, и самое неприятное: человек вдруг теряет работу. Тина встречала таких людей. Они продают всё, чтобы расплатиться с банком: дома, машины, мебель. Потом начинают с нуля. И даже не жалуются. Говорят, что это возможность почувствовать себя молодым, голодным студентом и предпринять «свежий старт». За это миссис Ти американцев очень уважала. Но своей семье такого не желала.

– А как насчёт любви? Вам же уже восемнадцать. Даже жениться можете...

Желание быть счастливым в любви оказалось на седьмом месте. После мечты разбогатеть, стать известным и засветиться на голубом экране. Любом. Хоть телевизионном, хоть Ю – Тюбовском. О своей семье, как о возможном центре счастья, пока не мечтал никто. Американцы задумываются об этом после тридцати пяти – сорока. Может быть, по этой причине большинство американских пап казались Тине слишком взрослыми, скучными и «погруженными»: в бизнес, работу, банковские долги и счета. Многие из тех, кого Тина встречала, были недоступны для детей и почти всегда недоступны для жён.

Была, правда, одна девушка в этом классе, для которой любовь, и только любовь, казалась единственным правильным местом, где люди находят и своё счастье, и себя самих, настоящих, – но этой девушки на уроке не было. Это была Лия. И в данный момент Центр Коррекции Умственного здоровья как раз занимался тем, что корректировал эту её «наивную, эмоционально незрелую и по сути опасную» веру в целительную силу любви.

Тина вспомнила о Лии и непроизвольно вздрогнула. К этой девушке у неё было особое отношение. Из тех, которые педагогу иметь не полагается: она была её любимицей. Всё началось пару лет назад. После урока Лия задержалась в классе и, извинившись, попросила разрешения задать вопрос. Миссис Ти кивнула, и девушка робко спросила:

– Это правда, что Михаил Лермонтов написал поэму «Демон», когда ему было шестнадцать лет?

– Правда.

– Значит... То есть... Ну, в общем, ему было столько же лет, сколько мне сейчас?

– Получается, что так...

Тина ответила машинально, не задумываясь. Но в следующую секунду замерла, осознав необычность вопроса.

– А почему ты об этом спрашиваешь? Ты Лермонтова читаешь? В переводе?

– Да. Он мой любимый поэт. Да и прозаик тоже. Он самый умный... Нет! Он – мудрый. Вот я и думаю... Как можно в шестнадцать лет так хорошо понять и объяснить любовь и нелюбовь? Никто о любви так честно не пишет... И так... так непонятно. Сложно. Особенно в «Герое нашего времени» и «Демоне».

– Но, если непонятно, то почему тебе именно его стихи, поэмы и повести нравятся?

– Потому что любовь – самая непонятная вещь в мире... Мне, например, одни только «демоны» и попадаются... А ещё он так необычно Кавказ описывает! Так красочно! Саня, она ведь оттуда родом, тоже Лермонтова часто читает. Хотела бы я там побывать... Эльбрус увидеть. Пожить в горном селении...

Лия подняла на учительницу выразительные глаза, которые были почти что чёрными, но никогда пугающе тёмными. Скорее, светлыми... Глядящие в мир естественным любопытством молодости, они будто приглашали в них заглянуть и, к сожалению, не умели отталкивать слишком бесцеремонные и подчиняющие душу взгляды.

– Ты сама, как демона представляешь?

– Как мужчину, который свою независимость ценит больше всего в жизни. Кто между любовью и одиночеством всегда выбирает одиночество. А ещё он умеет так искусно и лукаво изображать любовь, что жертвы сами готовы ему свою жизнь вручить.

– Лия! Знаешь, я думаю, что для того, чтобы так понять Лермонтова, читатель тоже должен быть не просто умным, а мудрым, с тонкой душой человеком.

Так вот и получилось, что Тине пришлось открыть факультатив по русской и советской поэзии. Из огромной школы набралось лишь пять желающих его посещать. Тина нехотя прервала ненужные в данный момент воспоминания и прислушалась к тому, что говорили ребята.

Они поздравляли Джесса и были готовы отпустили его к отцу. Тот позвонил Тине рано утром (он был уважаемым шерифом их округа) и попросил об одолжении: сказать Джессу, что его срочно хочет видеть отец, но не говорить, почему. Миссис Ти догадалась, что речь шла о каком-то необычном подарке такому прекрасному, правильному, всегда ответственному сыну, каким был бессменный староста двенадцатого класса. Так что, когда отличница Софья вышла к доске и попросила желающих сказать пару добрых слов о Джессе, от желающих не было отбоя.

– С ним все считаются: и учителя, и тренер бейсбольной команды, и мы – твёрдо сказал единственный чёрный мальчик в классе по имени Роб. Его умные глаза светились добрым уважением.

– Он всегда выручит, – добавил Фанки.

– Он лучший питчер в округе. Только он может заставить команду бегать десять раз по лестницам трибун на стадионе, когда воздух такой горячий, что вздохнёшь – и как крапивой по горлу полоснули.

– Он не употребляет грязных слов в разговоре с девочками.

– Он умный и много знает. Правда, списать ни за что не даст, но помочь эссе по-честному написать – не откажется.

– Он в нашей бейсбольной команде лучший! Сколько раз игру спасал! Даже когда уже никто не надеялся.

– Он симпатичный, – лукаво подмигнув Джессу, пропела Тришка.

Тут Тина вспомнила, что пару раз видела Джесса, прикрывающего лицо капюшоном и чёрными очками, на последних скамейках спортзала, когда там проходили соревнования девочек по боксу. Ей показалось, что его глаза были замагничены на крепкой фигурке Тришки: каждый её пасс, каждый выпад, подскок и оборот мистическим образом управляли головой Джесса. Она, голова, вдруг толкала челюсть вперёд. Или неожиданно резко дёргалась назад, как будто уворачивалась от удара. Иногда всё тело старосты подпрыгивало, и было видно, каких усилий ему стоило не броситься на арену и не «вырубить» окончательно соперницу Тришки.

При словах Тришки Джесс пошёл розовыми пятнами. Миссис Ти решила его спасти и сообщила, что его срочно ждёт отец.

– Увидимся! – широко улыбнулся всем Джесс и поспешил к своей машине. Ездил он на стареньком Форд Фокусе. Его родители старались не баловать своего «успешного» сына и поощряли все его попытки начать зарабатывать деньги самому. Три раза в неделю Джесс развозил газеты. Ему приходилось вставать около часа ночи, чтобы до двух успеть в редакцию и забрать свежие пачки популярных изданий: ведь подписчики привыкли находить свежие новости под своей дверью к четырём-пяти утра. По воскресеньям он подрабатывал промоутером. Одетый в костюм Микки Мауса, он приглашал детей на детские сеансы, в кафе мороженое или просто фотографировался с малышами и туристами. Один раз в неделю он работал волонтером в школьной библиотеке. Ему там не платили, но в его характеристике, знал Джесс, будет подробно написано, как профессионально он помогал иностранным учащимся работать с каталогом и находить нужную информацию в интернете. Джесс действительно был замечательным парнем.

Некоторые, правда, думали, что дружить с ним не получается. И никогда не получится.

Как говорила другая «звезда» школы Софья, он был слишком, даже чересчур правильным. А, значит, скучным и нудным.

В своей повести «Записки из подполья» Ф. М. Достоевский заметил, что общество, любое общество, никогда не будет полностью хорошим, благополучным и правильно организованным. Причина в том, что каждый отдельный человек имеет право на «каприз». На что-то, что государство не приветствует, люди вокруг тебя не понимают, а общественная мораль осуждает.

Но вот беда! Без этого «каприза» каждый, по отдельности, чувствует себя несчастным. Капризы у всех разные. Значит, и тащат эти капризы граждан в разные стороны. Какое уж тут общественное согласие.

Так вот... Когда эту проблему обсуждали на уроке, Софья заметила:

– Это Достоевский погорячился.... Насчёт того, что каждый свой каприз имеет. Он нашего Джесса не знал! Если бы общество состояло из таких, как Джесс, мы бы точно умерли со скуки в «раю всеобщего благополучия и единства».

– А ты что, считаешь, что надо поощрять всякие капризы? Все беспорядки с них начинаются. А заканчивается всё анархией и бунтом.

– А чем всё заканчивается, если наши капризы и маленькие прихоти насильно в себе прятать и подавлять? – не сдавалась Софья.

– Депрессией... – поддержала подругу Тришка.

– Иногда стрельбой по одноклассникам и учителям, – вставил своё слово Фанки.

– Нацией, сидящей на таблетке счастья, – прогнусавил Боб.

– Наркотиками, – тихо, но очень жёстко сказал черноглазый, чернокожий, очень яркий в своей небесно голубой парке с капюшоном Роб.

Миссис Ти вспомнила эту дискуссию, провожая взглядом скрывшегося за дверью Джесса.

Вечером ребята готовились устроить «surprise party» в его доме. Вернее, во дворе. Мама Джесса идею поддержала: она тоже переживала из-за того, что её хороший, но слишком серьёзный мальчик не имел настоящего друга. Поэтому она приветствовала всякие розыгрыши и шутки, надеясь, что Джесс хоть на время забудет о том, как надо и как правильно, и будет веселиться, как получится и как захочется.

Винсия и Саният, которые тоже учились в этом классе, извинились за то, что не смогут помочь в организации вечеринки, и поехали с мамой Саният в больницу к Лии. У неё накануне случился нервный срыв после посещения матери и брата. Как выразилась Тришка:

– Когда у тебя нарыв, легче станет только после того, как он прорвётся. А у Лии мамаша с братцем – это особый вид нервного вируса. К кому прилепится – у того и «нервный гнойник». Естественно, что он прорывается наружу! Нервная система так себя защищает. Ведь от яда

надо очищаться. Вы там Лию не журите за её срывы. И передайте ей, что мы её понимаем и любим.

Девочки ушли. Тина принялась за проверку эссе. Читать, что думают её взрослые ученики о любви, было так интересно, что она забыла о времени.

Глава 10. Мужской подарок и похищение старосты

Джесс вошёл в большой строгий кабинет отца. Он не был уверен, чего ждать от этого внезапного вызова, но надеялся на приятный сюрприз. Он втайне думал, что отец получил ответ из Массачусетского Технологического Института. Положительный ответ. С приглашением стать студентом их сына Джесса Н. с предоставлением стипендии на весь курс обучения.

Но у отца в руках не было никакого конверта. На правой вытянутой ладони лежали какие-то ключи. Джесс замялся, не зная, что сказать. Отец широко раскрыл руки, подошёл к сыну и, неловко обняв и похлопав по плечу левой рукой, протянул правую Джессу.

– Это твои ключи от новой машины, сынок. Ты заслужил хороший мужской подарок к восемнадцатилетию. Мы с мамой так гордимся тобой, сын. Я – особенно!

У обоих мужчин повлажнели глаза. Именно ради таких моментов и жил, в сущности, Джесс. С ранних лет он знал, в чём цель его жизни. Быть лучшим. Быть первым. Быть правильным. Быть отцовской гордостью. И он сделал это!

Отец подвёл его к окну. Перед полицейским управлением, выделяясь как белый лебедь среди чёрных уток полицейских машин, горделиво сверкал белизной новенький Ниссан GTR. Машина, которая стала мечтой стольких американских подростков после реалити шоу «Большой тур». Джесс ещё раз обнял отца. Расплывшись в почти детской, мальчишеской улыбке, он сбегал вниз, на парковку и под радостный полицейский хор «Happy birthday to you!» сел в машину.

– Ну, сынок, с богом! Ты знаешь, как вести себя за рулём и на дорогах. Помни, что твой отец не совершил ни одной аварии за тридцать два года вождения. Будь достоин нашей семейной традиции.

Джесс газанул, счастливо помахал рукой «хору полицейских» и рванул вперёд. Он решил добираться до дома по безупречно гладкой, скоростной семьдесят пятой трассе. Напевая любимую «дорожную» песню отца «Hit a road Jack...», Джесс старался не разгоняться больше, чем семьдесят миль в час, но на новой машине это оказалось делом трудным. Автомобиль летел как ласточка: казалось, колёса вот-вот потеряют сцепление с дорогой, и он будет парить над идеально ровным полотном. Он даже ударил лихо по рулю и, подпрыгнув, неожиданно для себя самого заголосил песенку из известного клипа « And I am happy!». Я счастлив! Для полного счастья, однако, чего-то не хватало. Может, каприза, о котором «развела» дискуссию миссис Ти? Ну да русские всегда всё усложняют. Им всегда чего-то не хватает для счастья. Джесс задумался. Но ведь и ему явно хотелось чего-то ещё, чтобы быть совсем счастливым. Может, русский писатель прав. И тут он понял, что было его, только его, Джесса Н. капризом. Но впустить это «озарение» в ум, душу и сердце он не успел. Пришлось сосредоточиться на быстрой смене полос. Со скоростной левой ему надо было срочно перестроиться в крайнюю правую и приготовиться к выезду на сто первую окружную дорогу. А оттуда рукой было подать до дома. Он решил обдумать свой каприз чуть позже. Однако, оказавшись на родной «старушке» 101, он с трудом поверил своим глазам: правая полоса, которая ему была нужна, была перекрыта. Какой-то жёлтой в крапинку лентой. Такой, какими в фильмах огораживают место преступления. За лентой что-то лежало. Нечто, похожее на куль.

Джесс с сожалением заглушил мотор и вышел из машины. В следующую секунду на него набросились три человека в масках, чёрных, армейского стиля плащах, и таких же чёрных беретах. Джесс успел заметить, что они выскочили из густых кустов на обочине. Потом он отключился: глаза закрыла чёрная повязка. Тело оказалось туго связанным верёвками. Во рту кляп. Он чувствовал, как его куда-то волокут. Бандиты тихо переговаривались, а один даже подхахатывал. Джесс ощутил царапающие пальцы на лице. Это могли быть ветки кустов еже-

вики, щедро растущей вдоль дороги. Тело ныло от врезавшихся верёвок. Но он, спортсмен, мог эту боль просто не замечать.

Ужас заморозил его волю в тот момент, когда он услышал звук взревевшего мотора своего Нисана. Звук быстро удалялся. Скоро он совсем затих. Но тут взревел всей мощью молодого натренированного тела сам Джесс. Это не помогло. Тряпка и не думала покидать его рот. Тогда он стал копить слюну и мочить то, что было во рту. Он надеялся, что сумеет напрячь лёгкие и вытолкать языком и потоком воздуха мокрый и скользкий кляп. Одновременно он подставил руки под острые ветки и стал перетирать верёвку. Он понимал, что у него может ничего не получиться. Но голос школьного тренера: «Ты это сделаешь, сынок!» заряжал его злым упрямством.

Компания угонщиков «отрывалась» по полной. Радио переполняло салон звуками последних «дорожных» хитов, мотор работал, как сто раз проверенный ракетный двигатель, а дорога была нереально пустая для этого времени дня. Солнце уходило с дежурства, лениво перебирая лучами по вершинам зелёных холмов. Сладкий океанский бриз добрался, наконец, до раскрытых окон машины, но остудить слишком раскалённые и слишком молодые головы ему не удалось. Пассажиры на заднем сиденье завопили в два голоса простенькие слова очередной глупой песни, и автомобиль рванул вперёд ещё мощнее. Никто и не подумал останавливаться, когда окрестности наполнили громкие полицейские команды.

– Нисан Жи Ти Ар! Немедленно прижаться к обочине и остановиться! Повторяю...

Друзья ничего не слышали, потому что никак не ожидали услышать нечто подобное. Ведь всё было продумано до мелочей. Но об одной крупном пустячке они не знали. Прежде чем благословить сына в дорогу, его папа установил в машине жучок. На всякий случай... Подростки такие непредсказуемые!

Когда шериф, он же отец Джесса, увидел тех, кого полицейские выводили из машины, он остолбенел. Он, крутой коп, повидавший за свою службу всякого и разного, застыл, как перепуганный на смерть мальчуган. Говорить он не мог. Да и говорить было нечего. Такой безобразной, невероятно наглой ситуации он и в мыслях не допускал. Его руки сами сложились в могучие кулаки-кувалды, и он медленно, глубоко дыша на каждом шаге, подошёл к одетым в чёрное угонщикам.

– Где Джесс? – прорычал он, оставив все выяснения на потом.

– Там, в кустах... Ну, сразу после съезда с семьдесят пятой...

Пока двое полицейских упаковывали хулиганов в свою машину, отец именинника круто развернул свою Тойоту и умчался в обратном направлении.

Джесса на обочине дороги не было. Шериф нашёл примятые и местами сломанные кусты ежевики, след и вмятины от тела, которое либо ползло, либо волочилось по земле в чьих-то руках, но никаких следов крови или борьбы не обнаружил.

Отец пропавшего парня расправил плечи и, не давая себе и секунды на размышления, почти взмыл над дорогой по пути в полицейский участок.

Глава 11. Ночь. Центр коррекции умственного здоровья. Клоун и доктор

Доктор Хат быстро составил картину произошедшего ночью. Всеми любимый Клоун, возможно, действительно предотвратил покушение на новую пациентку Лию. Но это было лишь предположением.

– Но почему Вы решили, что ночной гость – не священник? Ведь Лия католичка. И её духовный наставник вполне мог решить, что ей нужны слова ободрения, поддержки.

– Какой он наставник? Он старый развратник! Повидал я таких в католическом интернате для мальчиков. Ведь мой отец дома практически не бывал. Он со своим передвижным цирком постоянно где-то выступал. Вот меня в интернат и засунули... С малолетства там обитал. Пока не сбежал!

– А мать? Она тоже была цирковой актрисой?

Клоун рассмеялся легко и дробно.

– Нет... Моя мамаша была из семьи уважаемых торговцев недвижимостью. Просто угодило её влюбиться в акробата. Ну, они с отцом и обвенчались в какой-то сельской церкви. Благо оба были католиками.

– А потом? Что было потом? Они были счастливы?

– Они просто не были... Их вместе не было... Ох, запутался я... Ну, я хочу сказать, что вместе они не жили. Отец приезжал раз в полгода, не чаще. Меня очень любил. Всегда брал на репетиции в цирк. Но я высоты боюсь. Какой из меня акробат? Зато я так потешно по канату вниз сползал, так смешно от этих цирковых трапедий убегал и рожи уморительные строил, что папины товарищи сразу клоуна во мне разглядели.

– А мама? С ней Вы ладили?

– Какой там! Я же лысым уродился. Чего только доктора не делали! Но я как лысым наружу вылез, так лысым и в матушку землю нырнул. Одна разница – в подарочную коробку буду запакован.

Клоун залился смехом.

– Как в том анекдоте. Приходит английский сэр к своему другу лорду. Его встречает надутый дворецкий.

– Я хотел бы увидеть лорда, Джек!

– Полагаю, это невозможно, сэр. Хозяин уехал на похороны.

– А... Понимаю. И когда он вернётся, Джек?

– Полагаю, он не вернётся, сэр. Он уехал туда в гробу.

И клоун опять зашёлся в счастливом смехе.

– Так вот мать... Она меня стеснялась. Стыдилась со мной у друзей появляться. Никогда меня ни в парк, ни в кафе детское не брала. А как только мне девять лет исполнилось, так мамаша меня в закрытый католический интернат сдала. И отцу наотрез отказалась говорить, в какой.

– В интернате Вам нравилось?

– Да какое там... Были, конечно, хорошие преподаватели. От них я многому научился. Но вот священники... Особенно один всех доставал. Самый пристающий был. От меня, правда, он подальше держался. Больно несимпатичный я был: рот до ушей, что твоя математическая скобка, которая на спину вдруг брякнулась. Уши торчком, как у белки. И лысая башка... Да такая большая, что непонятно, как на тощей шее удерживалась.

Клоун хохотнул, но тут же задумался и продолжил:

– Да и языка моего острого он боялся. Прихожу я как-то к директору и говорю: «Сэр! Можно я буду называть отца Якоба грязной, развратной свиньёй?» Директор глаза выкатил, но взял себя в руки и отвечает: «Нет, молодой человек, Вы не можете называть отца Якоба грязной, развратной свиньёй». Я – глазки долу и на урок к этому служителю церкви пошёл.

Захожу в класс и говорю:

– Отец Якоб! Я очень сожалею, но директор школы почему-то не разрешил мне называть Вас грязной, развратной свиньёй. Поэтому я Вас не называю грязной, развратной свиньёй.

– Но ты уже сказал, что я – грязная, развратная свинья! Да как ты посмел?! – пускается в крик преподаватель.

– Что Вы, отец! Это Вы только что на весь класс выкрикнули: «Я – грязная, развратная свинья». Весь класс слышал...

Ну и в таком духе продолжаю...

Тут уж и доктор Хат не удержался и рассмеялся вместе с любимым пациентом.

– А сверстники Вас дразнили? Буллили?

– А то как же! Я в интернате, считай, и прошёл полный курс клоунады. Шутки и ответы на ходу придумывал. Один сочувствующий парень, из богатеньких, дал мне адрес знакомого врача, специалиста по волосам. Я из вежливости пообещал на каникулах к нему обратиться. Возвращаемся в интернат, а я по-прежнему лысый. Парнишка и спрашивает:

– Неужели даже самый известный в Мериленде доктор не помог?!

– Ещё как помог, – ответил я. – Шевелюра прямо закустилась...

– Так чего ты лысым вернулся?

– Так я все волосы с башки обратно повырывал, как только счёт за лечение увидел!

И все смеются, и никто не знает, когда я шучу, а когда серьёзно говорю. А на уроках живописи я себя всегда с пышными жёлтыми волосами рисовал. Учитель сначала удивлялся, потом не выдержал и спросил:

– Это же автопортрет! А Вы, молодой человек, какие-то невообразимо жёлтые волосы себе всё время рисуете!

– Так я нигде не могу лысой краски найти, – отвечаю ему я. – И опять все смеются, и никто не сердится...

– Значит, когда Вы в цирк из интерната подались, то уже знали, что будете рыжим клоуном!?

– Точно так, сэр. Начал работать ковёрным, уборщиком, рабочим манежа... А через пару лет у меня уже своя реприза была. С зонтом.

И клоун описал и даже попытался изобразить свой любимый номер «Девушка и зонт».

– Поэтому я и заподозрил неладное, когда этот тип в сутане начал свой зонт прятать. Да так суетился, что сначала стенку лифта остриём поцарапал, а потом чуть пузо себе не проткнул, когда запихивал зонт за спину. Он мне сразу не понравился: глаза бегают, а речи, как заправский дьявол, по писаному говорит. И всё без души... Слова холодные, а глазки масляные. Ну, точь в точь наш отец Якоб! Да ещё ту учительницу-дрессировщицу вспомнил! Жуть, как на душе темно стало.

– Учительница была просто учительницей. Это я её в больницу пригласил. Кстати, новая пациентка, девушка из второй палаты, её любимая ученица. А почему Вы захотели провести именно её, Лиу?

– Да не знаю... Мне кажется, её, как и меня, никто в этом мире не любит. Так, чтобы по-настоящему.

– Но у неё есть семья. Мать. Старший брат.

– Видел я их вчера. Этих родственничков... Довели беденькую до истерики! Я из коридора их голоса слышал. Они всё долдонили, что она не в себе, что у неё галлюцинации. Угрожали перевести её на самые сильные лекарства, если она по-прежнему скрывать что-то от них

будет. Ну а как бедняжке без секретов с этим волчарой под одной крышей жить?! Я о брате. Вы его взгляд видели? Волка, и того паралич хватит, если глазами с ним встретится! Такая в них люто́сть.

– А нашим медсёстрам он почему-то нравится... Даже глазки ему строят.

– Потому что волк, как известно, к овцам в овечьей шкуре обычно является. А молодые барышни при виде смазливового лица зачастую ведут себя, как те самые овцы.

Разговор с Клоуном затянулся до утра.

В пять утра больница ожила. Коридор заговорил открывающимися дверями, жалобным, почти старческим скрипом деревянных полов, по которым нянечки и медсёстры катили раздаточные медицинские столики, негромкими, вялыми голосами выползающих из тяжёлого, неестественного сна пациентов.

– Ну, я пошёл, – склонил голову в цирковом поклоне клоун и пошаркал в свою палату.

– Конечно. И спасибо Вам за то, что задержали незваного гостя.

– Да кабы задержал! Так ведь по собственной глупости упустил.

Шаркающие шаги стали стихать. Потом внезапно замерли. Коридор наполнился резкими звуками. Кто-то не шёл, а ступал. Ступал по-хозяйски уверенно, громко и ничего не стесняясь. Дверь в кабинет доктора распахнулась, и, не спавший всю ночь врач в изумлении уставился на столь раннего посетителя.

Глава 12. Ранний гость, врут все и сети для наивной души

– Мистер Суавес?!

Брат Лии сдержанно поклонился, пряча глаза от удивлённо вопрошающего взгляда доктора. Выглядел молодой человек полным джентльменом: безупречно сидящий на тренированном мускулистом теле костюм намекал на своё итальянское происхождение. Кобальтовый цвет дорогой ткани гармонировал со строгим чёрным галстуком, делящим тёмно-серую, с благородной искрой, рубашку на две идеально ровных половины. Густые чёрные волосы блестели, отвлекая внимание собеседника от довольно низкого лба и маленьких, обычно злых глаз цвета грязного дорожного гравия.

– Доктор! Мама Лии сегодня всю ночь не спала. К утру и вовсе с сердечным приступом слегла. И всё из-за дочки...

– Из-за дочери?! Но почему?

– Ближе к полуночи она вдруг проснулась и давай меня будить. Говорила что-то о плохом предчувствии... Потом начала плакать и всё твердила: «Моей девочке плохо... Она в опасности...» И заставила меня ехать в больницу, как только рассвело.

– Да что Вы говорите?! Вот что значит материнское сердце! Да Вы не беспокойтесь. С Вашей сестрой всё в порядке. Можете прямо из моего кабинета маме позвонить и успокоить бедную женщину.

Руки посетителя слегка дрожали. Узко посаженные глаза перепрыгивали с предмета на предмет, не задерживаясь, однако, на том, что искали: на красном стационарном телефоне, который стоял прямо перед ним. Звонить по мобильному, да ещё отвернувшись от врача, в Центре не разрешалось. И эта суетливость, как и неожиданно пробежавшая по лицу молодого человека тень мышечного напряжения, доктору не понравились. Пока брат пациентки набирал номер, доктор его внимательно разглядывал, стараясь спрятать профессиональное любопытство под полуопущенными, длинными и густыми, как у фотомодели, ресницами.

Брат Лии говорил тихо. И говорил он по-испански. Но вот то, что делали его руки во время разговора, по-настоящему заинтересовало врача. Левая ладонь, прижимающая трубку к уху, неожиданно вспотела. Да так сильно, что трубка начала по ней скользить. Между тем правая непрерывно тёрла веки и собирала в некрасивую гармошку щеки и рот. Ноздри молодого человека подрагивали, как у хищника, почуявшего опасность. Когда же посетитель вдруг стал нагибаться к столу, якобы разглядывая скучные канцелярские принадлежности, не прекращая при этом что-то темпераментно говорить, доктор и вовсе заподозрил неладное. Вспомнив практические занятия по распознаванию психологического типа личности и поведенческой терапии, молодой врач не мог отделаться от чувства, что перед ним разыгрывается насквозь фальшивый спектакль.

Неожиданно раздавшийся грохот прервал размышления хозяина кабинета. Посетитель бросил трубку и оглянулся.

В распахнутую дверь ворвался чужак в красных шароварах на одной лямке и в рыжем парике. Двумя прыжками непрощенный гость одолел пространство между порогом и столом врача и встал в гордой позе под большим плакатом, с которого подмигивал Альберт Эйнштейн. Над головой учёного красовалось любимое изречение молодого психиатра: *«Врут все, но это не имеет значения, потому что никто не слушает»*.

Клоун вывалил изо рта неестественно длинный язык, перекошил лицо и отправил его в правый угол рта. Затем быстро скрестил руки, обхватив ладонями плечи, и загоготал, глядя прямо в глаза раннего гостя. Через секунду-другую Клоун сменил позу, нагло показал брату

Лии средний палец и такими же гигантскими прыжками оказался у распахнутой двери. В следующий момент и духа его не было.

– Ну и работа у Вас! – насквозь фальшиво посочувствовал молодой человек.

– Весёлая работа! – не согласился врач. – Между прочим, именно этот пациент, всеми уважаемый клоун, предотвратил накануне ночью возможное нападение на Вашу сестру.

И доктор кратко, безэмоционально описал ночное происшествие.

– Так вот что почувствовала наша мать! Не зря она подняла меня спозаранку. Мы ведь к Вам, доктор, с огромной просьбой! Состояние Лии настолько тревожное... И очень, очень нестабильное. Она нам в прошлое посещение показала совсем подавленной и во власти... Во власти своих выдумок, фантазий. Часто просто бред какой-то несёт. А начнёшь её утешать, говорить здравые вещи, так она в истерику бросается. Так и до мыслей о самоубийстве недалеко...

Доктор не успел возразить, потому что прикрытая клоуном дверь кабинета радостно распахнулась, и в кабинет ворвалась сияющая Лия.

– Доктор Хат! Я узнала! Я его узнала! Я про зонтик...

– Ну... Что я Вам говорил?!

Брат девушки вскочил со своего места, полоснув волчьим оскалом узких глаз лицо сестры. Та замолчала, сникла, но лишь на мгновение.

– Ты что здесь делаешь?! Я же сказала, что не хочу вас видеть! Ни мать, ни тебя.

– С этим что-то надо делать, доктор! Да она же совсем не в себе... Уже зонты знакомые ей мерещатся.

– Я Вас попрошу выйти, мистер Суавес, и подождать в коридоре. Мне надо остаться с больной наедине.

Посетитель надулся, опустил голову ещё ниже и медленно вышел из кабинета.

– Лия! О чём ты говоришь? Таких зонтов пруд пруди. В каждой лавке купить можно.

– Нет! Это зонт моей бабушки. Вернее, подарок бабушке от кого-то... Так она мне говорила. Она прятала его в своём сундуке. У него и размер, и ручка необычные. Бабуля как-то сказала, что будет его хранить до особого момента. Дескать, придёт очень хороший человек и узнает меня по этому зонту. Она собиралась отдать его мне.

– Так почему же не отдала?

– Перед тем, как брат нас в Америку перевёз, бабулю в сельву жить отправили. Они её оба не любили. И даже... Не знаю, может, я ошибаюсь, но мне казалось, что мать с братом её побаивались. Даже хотели от неё избавиться. И избавились. В маленькую деревушку без названия жить отослали. В одну из тех, что в горах вокруг Акапулько прячутся.

– Ну, хорошо... Допустим, всё обстоит именно так. И что из этого вытекает?

– Так вдруг это бабуля ко мне своего человека послала? Под видом священника? Чтобы зонт передал.

– Лия! Мы с тобой можем только гадать. Потому что зонт уже отправлен в полицию. Как вещественное доказательство. Так что нам остаётся только ждать. Понимаешь?

– Да...

– А сейчас тебе надо вернуться в палату. У тебя через пятнадцать минут завтрак. Затем – капельница. Договорились?

– Договорились.

Девушка опустила голову и тихо вышла из кабинета. Почти столкнувшись с ней в узком дверном проёме, в офис вошёл её брат.

– Так вот, уважаемый доктор Хат!

В этот раз молодой человек решил перейти прямо к сути своего визита.

– Как мы видим, вы не в состоянии обеспечить безопасность своих пациентов. И мерзкие клоуны у вас по больнице ночью разгуливают... И неизвестно откуда взявшиеся визитёры...

– Вы что-нибудь знаете о зонте, который хранила ваша с Лией бабушка? – прервал его врач.

– Никогда ничего подобного не слышал. Наша бабуля последние годы была не в себе. Может, Лия по её стопам решила пойти... В смысле... Ну, в том смысле, что она больше верит в свои фантазии, чем полагается на здравый смысл. Особенно в последнее время...

Чем увереннее и многословнее говорил посетитель, тем большее недоверие он вызывал у врача. Лия была не по возрасту умной, с острым аналитическим умом девушкой. Беда её крылась в другом: в слишком тонкой и благородной натуре. Она принадлежала к тому типу людей, которые готовы отдавать себя миру много и щедро. Но их природная стеснительность и неуверенность в себе смыкаются над ними молчаливым куполом непроницаемости, когда мир хочет щедро воздать им. Такое свойство личности, был уверен доктор, особенно пагубно для женщин. Они, сами того не ведая, отбирают у мужчины право быть сильным, оберегающим, готовым к творению добра и потаканию женским прихотям и капризам. Право быть дающим.

Самые прыткие и опытные, угадавшие в женщине эту тайную слабость, просто берут её сердце в аренду. Во временное пользование. И никогда не возвращают хозяйке в прежнем виде...

Доктор устало вздохнул и спросил сухо и коротко:

– Что конкретно Вы хотите предложить?

– Разрешить Лии иметь при себе смартфон. Она должна успокоиться и знать, что, в случае беды или паники всегда может позвонить домой и попросить о помощи.

К такому повороту разговора доктор Хат оказался неподготовленным. Он ожидал чего угодно, но только не этого.

– В телефоне будет только два номера: её матери и мой. Так что связаться с её странными подругами – этой мусульманкой, чеченкой из России и выгнанной из дома протестанткой Винсией – она не сможет. Но я загрузил в телефон любимую музыку Лии. Даже некоторые аудиокниги. В том числе религиозные. Чтобы сестрёнке было не так тоскливо. И не так безнадежно на душе. Пусть не забывает об отце нашем небесном!

Чёрная блестящая голова склонилась в смиренном поклоне, а губы что-то зашептали... Доктор разве что не в шоке слушал, как молодой человек молится, произнося слова на прекрасной латыни.

– Ну, так как, доктор? – брат Лии поднял голову и влажными от слёз глазами посмотрел на растерявшегося интерна.

– Пойдёмте к Лие. Там и примем решение.

Девушка лежала под капельницей, что парадоксально обрадовало вошедших. По крайней мере, можно было надеяться на более или менее спокойный разговор.

– Что бы ты там не думала, – начал брат, – мы с мамой тебя очень любим. Мы решили, конечно, с одобрения доктора Хата, подарить тебе смартфон. По нему ты всегда можешь связаться с одним из нас, послушать любимую музыку. Даже твои любимые аудиокниги закачали. Будешь перед сном слушать...

Лия не верила своим ушам. Слова брата о любимой музыке и книгах заставили её улыбнуться. Улыбнуться вопреки собственным подозрениям и страхам. Она молча кивнула головой.

Брат девушки мягко положил телефон на тумбочку, рядом примостил коробочку с наушниками и проводом для зарядки, и вышел из палаты. Следом за ним поспешил измученный бессонной ночью доктор.

Чего не знала пациентка... О чём не подозревал лечащий врач... Из-за чего ликовала душа молодого человека – так это то, что спустя пять секунд после водружения на тумбочку, телефон начал работать. Встроенная программа Флейм включила обе камеры смартфона

и активировала его микрофон. Теперь вся информация о девушке поступала к знающему компьютерному администратору-аналитику. Приложение не только послушно передавало аудио и видеоинформацию, но одновременно запускало программу распознавания лиц. Специалист в центре получал возможность следить за всеми контактами, передвижениями, разговорами девушки, изучить в деталях расписание медицинских процедур и протокол, согласно которого они отпускались. В случае посещения больной друзьями, телефон автоматически настраивался на их «Bluetooth», а если такового не обнаруживалось, программа самозагружалась и передавала нужному компьютерщику информацию со всех смартфонов, находящихся рядом с Лией.

– Да, сестрица... Ты оказалась не умнее мухи, радостно застрявшей в самом центре паутины! И гены твоего знаменитого, талантливой папочки ни хрена тебе не помогли. Так что оставайся в хоромах паука-хозяина. Пока...

Медленно направляясь к припаркованной в тени редких больничных деревьев машине, брат Лии не мог скрыть ядовитой, самодовольной улыбки. Подойдя к сверкавшей тёмно-серыми боками Инфинити последней модели, молодой человек поднял глаза к небу. В этот ранний час беспощадное калифорнийское солнце робко выглядывало из-за гор и мягко растеклось по их склонам языками жидкого золота. Его время жечь и иссушать ещё не пришло.

Глава 13. Год назад. Четвёртый лепесток, парашют любви и «мистер очарование»

- Я всегда была четвёртым лепестком в ромашке, – сказала Лия.
- Как это так – четвёртым лепестком? – не поняла Винсия.
- Ну, ты же знаешь, как гадают на ромашке: любит – не любит. Так вот, если у ромашки только четыре лепестка, то всегда получается «не любит».
- А на кого ты гадаешь?
- Да ни на кого. Это я – четвёртый лепесток. Это меня никто никогда не любил. И не полюбит.
- С чего это ты взяла, что тебя не любят? А мама? Брат? Папа? Я и раньше об этом хотела спросить, да только стеснялась.
- Я – случайная дочка. Так мне мама сказала, когда первый раз на улицу выгнала.
- На улицу? А сколько тебе лет тогда было?
- Пять. У неё ухажёр был. Богатый и злой. Все в нашем баррио его боялись. Он пришёл, она меня и выгнала. Хотя знала, что в нашей деревне всегда было беспокойно.
- У вас что, война была?
- Почти. Всё из-за нелегальной торговли. Мы же в Мексике прямо на границе жили. То в кустах стреляют, то рядом с дорогой взорвётся что-нибудь. Я убежала в овраг неподалёку. Нашла там пару кустов, под ними и спряталась. Было очень жарко. Я голову под нижние ветки просунула, а ноги под себя поджала. Так и пролежала до вечера. Пока не стемнело. Пить очень хотелось. Прямо умирала от жажды. Но не шевелилась. А домой к ночи вернулась.
- И мама тебя не искала?
- Нет. Ещё накричала, что рано пришла. Её кавалер ещё в гостях был.
- Жених, что ли? У тебя мама очень красивая. Как с конкурса красоты...
- Она и была королевой красоты в школе. Или позже. Не знаю. Знаю только, что папаша моего брата тогда её к себе в дом и забрал. Но не женился. Скоро он её с ребёнком из дома выкинул. Так она рассказывала.
- А твой папа? Он куда делся?
- Он был американцем. Бабушка говорила, что он в маму сильно влюбился. Потом уехал. В Америку вернулся. Писал маме, но она почему-то запретила о нём говорить. Даже имени его слышать не хотела. А мне сказала, что я – случайный ребёнок, о котором она бога не просила.
- Странная история. А ты письма его не пробовала тайком почитать?
- Мама эти письма сжигала. И когда жгла, злобой исходила. А иногда казалось, что она боялась его писем.
- Ну, может, хоть одно сохранилось? Мы бы папу твоего нашли. Он бы так обрадовался, узнав, какая умная и красивая у него дочка.
- Лия заплакала. Бабушка осталась в Мексике и здесь, в Соединённых Штатах она была с матерью, которую почти ненавидела, и братом, которого боялась. Деньги на переезд собрал брат. Он надолго исчезал из деревни. Потом появлялся. Иногда с молодыми красивыми девушками. Каждый раз с новой, и каждый раз говорил, что это его невеста. Потом они уезжали в город. Обычно на два – три месяца. А возвращался он всегда с деньгами либо один, либо с новой «невестой».
- Была ещё одна вещь, которую Лия не понимала. Её брат ненавидел отца Лии ещё больше, чем мать. Называл его не иначе как «америкос» и запрещал бабушке даже вспоминать о нём.
- Она работала с малых лет. Вот уж «кто» её любил – так это работа. Улицы мела. В подъездах кондоминиумов убиралась. Булочки из пекарни клиентам в пять утра разносила.

– Лия! Но здесь, в Калифорнии, тебе стало легче? Мы с Санянт как-то этим не интересовались... Наверное, потому что твои родственники так редко тебя в их дом отпускали. В нашу любимую комнату. Да и стеснялись мы тебя подробно о твоей жизни в Мексике расспрашивать.

– Здесь мне стало труднее. Я о душе... Да, всё изменилось, когда мы приехали жить в Америку. Здесь я встретила тебя и Санянт. И, к своему несчастью, поняла, что такое дружба и любовь.

Винсия округлила зелёно-голубые глаза в немом вопросе.

– Всё просто. До этого я не знала, как сильно меня не любят. А когда почувствовала любовь, тогда только поняла, что такое «абсолютная нелюбовь». Теперь, когда я встречаю любовь, то радоваться долго не умею. Потому что там же, где парит парашют любви, во мне всегда летает белый, намертво оторванный от цветка, лепесток «нелюбви».

– Слушай, Лия, ты так красиво и изящно говоришь! Ведь и, правда... Любить – это как на большом розовом парашюте в небе лететь. И дух захватывает, и сердце холодеет, и голова кружится от счастья. И всегда страшно: а вдруг счастье кончится, стоит на землю опуститься. А вдруг не удастся благополучно приземлиться?

– Ты тоже об этом думаешь? Хотя бы иногда?

– Конечно! Только вот выразить свои чувства так, как ты, не умею. Да и не влюблялась я пока. Так, чтобы по-настоящему. А у тебя реально писательский талант. Тебе надо записаться на курс «креативного, творческого письма».

– Уже записалась. А ещё не факультатив по русской поэзии. Его миссис Ти ведёт. Мне Лермонтов очень нравится. Я думаю, что он был таким же несчастливym, а, может, и нелюбимым, как я. Только в тысячу раз умнее...

– Ух ты! Будет о чём поговорить в нашей любимой комнате, дома у Санянт. Ну а я сейчас религиозные источники на трёх языках читаю.

– Это на факультативе по «Сравнительному Религиоведению»?

– Да. Так интересно! Коран читаю на арабском. Со словарём, конечно. Библию на латыни и английском. А Пятикнижие на иврите. Правда, понимаю я там только половину. А то и меньше. Когда уж и вовсе ничего не понимаю, прошу Софью перевести. Юмор ещё в том, что ни на одном из этих языков я не говорю. И пары слов не свяжу! Кроме английского, конечно.

– А я никак не могу дописать сочинение-рассуждение о любви. По социологии. Для миссис Ти. Ладно, пора взять себя в руки и закончить его. Я побегу в библиотеку. Увидимся у Санянт.

– А ты начни с нашего сегодняшнего разговора. Ведь мы как раз о любви и говорили.

А потом, когда закончишь работу, принеси его на посиделки к Санянт. Почитаем вместе. Пospорим. Ты не то, что сочинение, ты книгу можешь начать писать. У тебя талант. И... Только не обижайся... Опыта у тебя побольше нашего.

– Я подумаю. Было бы что нести... Пока!

В библиотеке Лия открыла своё эссе и принялась перечитывать законченную часть.

«День, когда я родилась, был промозглым, серым и печальным. Так, во всяком случае, говорила моя бабушка. Над нашим посёлком висела мелкая сетка мокрой взвеси. Таких неведомых капелек, которым не хватает сил превратиться в настоящий весёлый дождь и упасть на землю.

Я иногда думаю, что влажная хандра, расплзшаяся по нашей деревне в тот день, умудрилась «пометить меня», прикоснувшись к сердцу своей вялой липкой рукой. С того самого момента, когда я осознала себя человеком, а было мне четыре года, я почувствовала, где во мне живут уныние и тоска. Сначала они были маленькими и трусливыми. Но я росла, и они росли вместе со мной. Они, правда, очень испугались и даже решили сбежать, когда я вступила в «Приговор Дружбы». До поры до времени... Но скоро накнулись на меня с новой силой.

Уныние гасило все яркие мысли и мечты. Оно растворяло их в скучной влаге сомнения. А тоска любила подкрасться к сердцу и, привечая его притворной заботой, принималась за генеральную уборку. Она начисто выметала из него радость и надежду, а в освободившиеся уголки тут же просачивались печаль и безверие.

Но однажды всё изменилось. Мне было четырнадцать лет, когда я встретила Его. Он был братом школьной знакомой, которой я помогала с испанским языком. Он был старше. Он был умнее. И он был счастливее меня по натуре. В его глазах всегда плясали искорки смеха, а лицо украшала неизменная дружелюбная улыбка. Лицо было неправильным, но притягивающим к себе взгляды девушек. Глаза, голубые, как не проснувшееся до конца небо, смотрели на собеседника с забавным интересом. Он как будто радовался каждому новому встречному, потому что каждый новый встречный обещал новые тайны, новые чувства и новый опыт. Было невозможно не улыбнуться ему в ответ. Было немислимо не заговорить с ним после первого приветствия. Было неправильным не раскрыть ему душу. Было невообразимым не разрешить ему прикоснуться к себе. Поэтому я ему сдалась со всей мыслимой, воображаемой и возможной радостью. И была уверена, что это – правильно.

Я чувствовала себя нужной. Я думала о себе, как о ценности, которую открыл во мне Он. Я ходила в школу с глупейшим выражением «всемирного счастья и благоденствия» на лице. Я даже избегала встреч с подругами, боясь потерять хотя бы минуту из того времени, которое могла дать ему. Я продолжала работать в кафе три раза в неделю, но даже там всё изменилось. Потоки моей доброжелательности прямо-таки «дырявили» карманы посетителей, и они оставляли мне всё больше чаевых. Те, кто помоложе, неуклюже просили меня о свидании. Те, что постарше, обращались ко мне «дочка» и спрашивали, где меня так хорошо воспитали.

Но самое невероятное было впереди. Однажды Он заехал за мной домой. Мы собирались в кино. Моя привычно недовольная мамаша вышла меня проводить. Он стоял на крыльце, и, увидев её, заулыбался с таким искренним изумлением, так ловко поцеловал ей руку и смущённо заглянул в её глаза, что она выпрямилась, как на кастинге перед камерами, и заворковала голосом весенней птички. Вечером, когда я вернулась, мамаша даже буркнула о нём пару одобрительных фраз.

Так я летала, парила, совершала самые рискованные пируэты на своём первом парашюте любви. Я не думала об искусстве приземления. Я не вспоминала о стропах безопасности. Я выбрала «не думать» об опасностях падения. Я просто многого не знала и не понимала в свои четырнадцать лет.

Я не знала, что очаровательный мужчина очаровывает всех. Я не хотела думать о том, что очарование для всех означает отсутствие любви для одной. Я в упор отказывалась замечать, что Он назначает встречи всё реже. Я беспечно верила ему, когда он исчезал на пару-тройку дней: работа есть работа.

Я так и не приземлилась. У меня даже не было шанса коснуться ногами твёрдой, пусть и недоброй, земли. Я просто упала в такое гнилое болото тоски, из которого до конца мне выбраться так и не удалось.

Часть I сочинения-рассуждения «О любви» ученицы 12 класса Лии С.

P.S.

Уважаемая миссис Ти! Я обещаю написать вторую часть на следующей неделе».

Миссис Ти грустно вздохнула и положила в папку эссе Винсии о дружбе и сочинение Лии о любви. Доктору Хату они могут оказаться полезными.

Тихо и грустно захлопнулась за ней дверь класса. Но тут громко и заливисто зазвонил телефон на ресепшн.

– Это Миссис Ти? – голосом шерифа прорычала телефонная трубка.

– Да. Это я.

– У школы Вас ожидает полицейская машина. Выходите, садитесь, не задавайте вопросов и Мы Вас ждём.

– Где ждёте?! Кто ждёт?! – но трубка уже молчала. Тина поспешила к выходу.

На парковке действительно стоял всем известный автомобиль самого шерифа. За рулём сидел незнакомый ей полицейский. Она молча расположилась на заднем сидении, промямлила «здравствуйте, сэр», и автомобиль рванулся с места, как безумная крышка с перекипевшего чайника.

Глава 14. Сюрприз №2, трусы в полосочку и в компании с гериллос

Полицейская машина остановилась так же бесцеремонно и неожиданно, как пятнадцать минут назад сорвалась со школьной парковки. Миссис Ти потрянуло, да так грубо, что она чуть не прикусила себе язык.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.